

Серж Запольский
Нина Запольская

Мертвая рука капитана Санчес

Достояние Англии. Книга 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Достояние Англии

Нина Запольская

Мёртвая рука капитана Санчес

«Автор»

2018

Запольская Н.

Мёртвая рука капитана Санчес / Н. Запольская — «Автор»,
2018 — (Достояние Англии)

На основе реальных фактов, взятых из дневниковых записей английских путешественников XVIII века. Посвящается всем влюблённым в море, готовым идти под парусами на поиски сокровищ инков. Спасаясь от пиратов, капитан Линч уводит шхуну «Архистар» на Кубу, а далее – на побережье Нью-Йорка. Здесь его настигает роковая страсть, он встречает новых друзей и приобретает смертельных врагов. По возвращении в Англию прежние чувства воскресают в нём и становятся судьбой. И потом – новая экспедиция в таинственный Магриб. А ещё: интриги, убийства, охота за пиастрами, боксёрские поединки, индейцы, погони, новогодний бал, танцы и поцелуи, признания в любви, верблюжий караван в песках Сахары, эмир Адраара, коварные проводники, дворцовые заговоры и туземные племена. Содержит нецензурную брань.

© Запольская Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Мнимые флибустьеры, или Ночная интрига	5
Глава 2. Чёрт бы побрал это золото!	20
Глава 3. Любовь нельзя понять	34
Глава 4. Норма Джин из Йорка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Нина Запольская, Серж Запольский

Мёртвая рука капитана Санчес

Глава 1. Мнимые флибустьеры, или Ночная интрига

«Пенитель морей» лежал на воде с обнажённым днищем, как огромный кит, выбросившийся на берег.

Корабль был наклонён для килевания¹ за привязанные к мачтам канаты, прочно закреплённые другим своим концом за стволы больших деревьев. Мистер Трелони и боцман Джонс, лёжа на животе, смотрели с обрыва в зрительные трубы, как пираты сновали вокруг корабля. Потом они увидели, как из дальней палатки вышел доктор Легг, постоял, оглядываясь кругом, потоптался, безвольно склонив голову, и неожиданно сел тут же, как в бессилии. У Трелони заняло сердце.

Когда они вернулись на корабль, он сказал штурману Пендайсу:

– Надо ждать ночи.

– Почему ночи? Почему не напасть сейчас? Теперь! Мы их сомнём! – воскликнул штурман. – Чем скорее мы освободим доктора, тем быстрее он вылечит капитана.

– У меня есть план, – солидно ответил Трелони, растянул губы в улыбке и добавил: – И это ночная интрига. Со мной идёт Платон, боцман Джонс, ну и, выберите сами четверых матросов. Пусть оденутся во всё тёмное... Ждём ночи!

Но ночь сегодня что-то никак не хотела наступать.

Уже и Трелони с командой давно пришли в бухту и залегли на обрыве, уже и солнце давно готово было сесть за ближайший выступ скалы, и густая тень от деревьев, стоящих на берегу, медленно напозла на стоянку пиратов, окрашивая синим всё вокруг, а ночь всё не приходила. В лагере пиратов было шумно и пьяно, пираты сидели, стояли и сновали вокруг двух костров, на которых что-то варилось.

Скоро мистер Трелони понял, что они попали к флибустьерам на совет: те решали, на какой следующий город Кубы им лучше совершить набег, потому что Сантьяго, Баямо и Санто-Эспириту уже разграбили капитаны Байер и Красавчик Джон. Потом пираты заспорили: сколько тысяч пиастров и голов скота получили эти капитаны за то, что оставили поселения в сохранности. Спорили они долго и яростно. А поскольку постоянными флибустьерами была большая часть экипажа «Пенителя морей», а гораздо меньшей частью были кабальные слуги, разорившиеся фермеры и беглые рабы, то бывалые разбойники брали верх. На берегу стоял густой матерный рёв. В вечерней тишине голоса пиратов разносились далеко. Пламя костров бросало грозные, багровые отсветы на парусину палаток. Скоро из одной палатки появился доктор Легг: его позвали обедать за стол к капитану.

– Надеюсь, они хорошо кормят нашего доктора, – тихо, одними губами пробормотал сквайр Платону, лежащему рядом с ним.

Платон улыбнулся и передал в свою очередь эту фразу боцману Джонсу. Боцман крикнул, поправил мощной волосатой рукой свою шляпу на голове и перевернулся на спину. Трелони скосил глаза в другую сторону: матросы тоже лежали на спине, отдыхая перед делом. Докучливое солнце, наконец-то, село за горизонт, и на землю упала тьма, слегка прорезаемая светом узкого рогатого месяца.

¹ Килевание – наклон судна на борт для проведения работ по очистке подводной части судна от обрастаний ракушками и прочим.

Можно было немного расслабиться в ожидании предрассветного часа: всем давно известно, что перед рассветом тьма становится гуще, и это лучшее время для вылазки. Цикады вокруг голосили и трещали так, что скоро пиратов на берегу не стало слышно. И когда Платон предложил мистеру Трелони поспать, обещая разбудить его в нужное время, тот тоже перевернулся на спину и принялся вспоминать, что Гомер сказал в своей «Илиаде» про цикад...

Но как только Платон тронул его за плечо, сквайр тут же открыл глаза, словно бы и не спал совсем. Они спустились вниз по козьей тропе, тщательно осмотренной в подзорные трубы ещё вечером. Здесь, в зарослях, матросы затаились, а Трелони, Платон и боцман, закутанные в чёрные плащи, бесшумно ступая через спящих пиратов, лежащих вповалку тут и там, окружили палатку доктора, как три неясные ночные тени.

И боцман, которому сквайр в этой интриге с самого начала отводил главную роль из-за его колоритной внешности, подошёл осторожно к часовому, который, конечно же, спал, и сказал ему в ухо на своём хорошем испанском языке:

– Доктора к капитану Барранкилья!

– М-мн? – промычал часовой вопросительно.

– Доктора к капитану Барранкилья, – повторил боцман громче и добавил с угрозой: – Пошевеливайся.

– Да-да! – сказал часовой, он открыл глаза, посмотрел на боцмана, потом закрыл и перевернулся на другой бок.

Боцман с ножом в руке замер над спящим. Трелони нагнулся и ползком проскользнул в палатку доктора Легга. Доктор уже проснулся.

– Что опять стряслось? – спросил он недовольно в темноте палатки хриплым со сна голосом.

– Настоятельно нужна ваша помощь, Джеймс, – ответил ему Трелони, как можно тихо, но внятно. – Наш капитан серьёзно болен.

Доктор Легг придушенно охнул.

– Так как же вы меня нашли, черти? – спросил капитан, глядя ласковыми глазами на сквайра, доктора Легга, Платона, боцмана Джонса и штурмана Пендайса.

Капитан уже стал вставать и подниматься на квартердек, объясняя недовольному доктору, что капитанский мостик для моряка – лучшее лекарство. Доктор ворчал, грозился капитана наказать, но добрые глаза его светились тихой радостью.

– Так ведь, признаться, сэр, почти что случайно, – стал рассказывать штурман Пендайс, поглаживая щетину на своей могучей челюсти. – Если бы не трактирщик Уайт...

– Как хорошо, что вы его не повесили, сэр! – воскликнул мистер Трелони, не выдержав.

– А что? Собирались повесить? – спросил капитан с интересом.

– Да было дело. Чуть не повесил, – тихо ответил штурман, криво усмехаясь и пряча глаза.

– Так что трактирщик? – опять спросил капитан.

– Так трактирщик пришёл на третий день и сказал, что местный нищий-«авраам», который давненько столовался у него в таверне, третий день берёт провиант ещё и с собой на дом... Ну, трактирщик и заложил галс к матросам, которых я у него оставил...

– Вы оставили?

– Ну да, чтобы за ним, значит, приглядывать. Я же ведь, грешным делом, подумал, что этот Уайт и есть в этом деле самый главный.

– Значит, не случайно вы меня нашли. Продолжайте, мистер Пендайс.

– Ну, так вот, значит. Раньше «авраам» харчился в таверне, а теперь и домой кормёжку брать стал. Это при его-то жадности... Подозрительно очень мне стало. Ну, и решили мы к этому «аврааму» нагрянуть... А там такие дела.

Все замолчали, вспоминая недавние обстоятельства.

– А ведь я думал, что это вы, доктор, – сказал вдруг капитан. – Сидите ко мне спиной, закутанный в испанский плащ, и молчите, когда меня пытать собираются.

– Я?.. Почему – я? – всполошился доктор, лицо его покраснело, он занервничал и по привычке вцепился в свой рыжий бакенбард.

– Да уж так вы не вовремя пропали из-за стола, – капитан посмотрел на доктора искоса, насмешливо, чуть наклонив голову.

– Ой, да я даже пикнуть не успел, так быстро меня скрутили... Они меня чуть не задушили, честное слово, – пролепетал совсем смущённый доктор.

– А трактирщик получил хорошую премию, – продолжал рассказывать штурман Пендайс. – Теперь мы у него – желанные и дорогие гости.

Штурман Пендайс замолчал и, покосившись на доктора Легга, добавил:

– Только вот нашему доктору лучше на берегу не появляться. «Пенитель морей» может скоро вернуться в Бастер, а на его борту по-прежнему требуется доктор.

– Я могу переодеться и больше не говорить, что я врач! – воскликнул доктор встревоженно.

И все заулыбались.

Вечером капитан, когда они остались наедине со сквайром, спросил:

– Мистер Трелони, а что вы узнали про Амаранту Трелони?

– Я ничего не успел узнать, Дэниэл, – начал рассказывать сквайр. – Я пошёл к шлюхам...

– Как вы сказали, сэр? – перебил его капитан, он заулыбался, а белёсые брови его поползли вверх.

– Я поднялся к шлюхам по совету трактирщика Уайта, – продолжил, как ни в чём не бывало, сквайр. – Нашёл там Марию, как он мне рекомендовал. И тут прибежала какая-то девица и стала кричать, что... Ну, сами знаете.

– Нда, – проговорил капитан и потрогал свою голову. – Знаю.

Джентльмены замолчали, размышляя каждый о своём.

– Так значит, моего бедного брата убил корабельный плотник, – с горечью проговорил сквайр.

– На это очень похоже, мистер Трелони... По крайней мере, он так говорил. На совести этого негодяя много смертей, только, знаете, что? – сказал капитан и замолчал, в мрачной задумчивости покусывая ноготь большого пальца. – Только кажется мне, что плотник был в этом деле не главный... Ну, как он мог узнать про сокровища Диего де Альмагро? Ваш покойный брат не стал бы откровенничать с каким-то там плотником. Нет, я думаю, что есть «тут магнит попритягательней»².

И «магнит» этот находится в Бристоле... Среди ваших хороших знакомых.

Шхуна вернулась в бухту Тортуги и опять бросила якорь рядом с «Принцессой», на которой всё это время находилась часть команды с «Архистар».

Тут же на борт шхуны поднялось несколько пиратов с брига «Гордый». Капитан рассказал им об обстоятельствах смерти коммодора Гранта, объясняя, что он, капитан Веласко, хоть и считает полакр «Принцесса» в связи с этими обстоятельствами своим заслуженным трофеем, но будет не против продать его, а деньги и груз поделить с капитаном «Гордого», как только экипаж брига сообразит выбрать себе нового капитана.

– А до тех пор вооружённая до зубов команда с «Архистар» будет по-прежнему находиться на борту полакра неотлучно, днём и ночью, – добавил капитан весомо.

Пираты переглянулись, но промолчали, видимо, им было сейчас не до полакра. Бриг «Гордый» стоял в бухте рядом с «Принцессой» и «Архистар», а крики, доносящиеся с него

² «Нет, матушка, тут магнит попритягательней» – из трагедии У. Шекспира «Гамлет».

порой, и выстрелы, раздающиеся на берегу, говорили о том, что на бриге идут очень даже непростые выборы нового капитана.

Удручённый Трелони опять решил сходить в таверну и ещё раз попытаться разузнать об Амаранте Трелони, судьба которой не давала ему покоя. К тому же у неё он надеялся узнать что-либо о доставшихся покойному брату Генри в наследство приметах клада. Доктор Легг, в надвинутой до самых бровей широкополой шляпе, и капитан, сопровождаемый Платоном, пошли с ним.

Трактирщик Уайт принял их, как дорогих гостей, посадил на самые спокойные места у стены и предложил лучшего своего вина. Людей в таверне сейчас было не много, и, может быть, поэтому трактирщик позвал девицу Марию вниз, в зал.

У девицы Марии на испитом лице была написана профессия, которой та занималась у Уайта, да и была она явно навеселе. Марии предложили сесть на стоявший возле стола табурет и налили вина. Девица была уже не молода, простоволоса, но, как ни странно, не отвратительна, даже синяк под глазом, которого она, впрочем, не стеснялась, не портил её. Она оглядела джентльменов разудалыми глазами, задержалась взглядом на капитане и спросила сиплым голосом, ухмыльнувшись каким-то своим мыслям:

– Чего господам будет угодно?

И тут стало заметно, что у Марии недостаёт двух передних зубов.

Доктор Легг, боготворящий женщин, тяжело вздохнул и насупился. Мистер Трелони в каком-то раздражённом нетерпении, но с кривой брезгливой миной, спросил:

– Скажите, милая, а не знаете ли вы испанку, некую Амаранту Трелони? Ваш хозяин говорит, что вы всех на острове знаете.

– Ну, не всех, сэр, а многих знаю, – ответила Мария. – Да и как мне Амаранту не знать, когда она у нас здесь была.

– Как была? Где? – проговорил сквайр почти в тревоге, противный холодок окатил ему спину, усмешка пропала с его губ, как её и не было – до него вдруг дошёл весь стыдный смысл слов этой девицы.

– Где? – переспросила Мария, опять ухмыляясь. – Известно где... А где ещё может быть вдова с ребёнком на руках, когда у неё кончились деньги на жизнь?

– С ребёнком? С каким ребёнком? – всполошенно вскричал сквайр, поднимая руки к голове.

И тут капитан тихо сказал:

– Мистер Трелони, вы привлекаете к себе внимание. Давайте спрашивать буду я.

И очень скоро капитан выяснил, что вдова Генри Трелони, Амаранта Трелони, помыкавшись на Тортуге с трёхлетним мальчиком-сыном, которого в честь английского дяди назвали Джоном, в конце концов уехала с острова с каким-то моряком, как она сказала, в порт Сантьяго, что на Кубе.

Услышав всё это, сквайр сгорбился, обхватил голову руками и застонал:

– Господи, твоя воля! В нашей семье – шлюха!

Тут к ним подскочил трактирщик Уайт и, косясь на девицу Марию свирепым взглядом, спросил:

– Всем ли господа довольны?

Не дождавшись ответа, он предложил:

– А не угодно ли господам отведать жаркое из кабана? Сегодня днём мне привезли с Эспаньолы великолепного кабана, ах, какого дивного кабана!

Капитан покосился на сквайра, который сидел неподвижно, в той же позе, почти упав грудью на стол, и сказал, что угодно.

Трактирщик просиял и крикнул девице Марии, которая уже отошла от стола и смотрела от стойки на джентльменов:

– Позови Дэниз! Пусть тотчас спускается сюда с гитарой, слышишь? И поживее! Шевели задницей!

И трактирщик бросился на кухню. Проводив его взглядом, капитан вдруг тихо сказал Трелони:

– Можно подумать, Джордж, что вы не знаете, в каком оплётанном, захарканном мире мы живём. Каждый день в этом мире что-то происходит. Каждую минуту кого-то убивают. Где-то в это мгновение кто-то жертвует собой, чтобы спасти другого, а где-то заталкивают в прорубь старуху. Пьяная мать роняет в канал младенца, а кто-то находит свою любовь, первую в жизни. Тысячи людей голодают, умирают без врачебной помощи и чудом избегают верной смерти.

Капитан остановился и разлил по кружкам вино – мистеру Трелони, который так и сидел, сгорбившись, притихшему доктору и Платону, потом он поставил кувшин на стол, опять посмотрел на сквайра и сказал неожиданно азартно:

– Но жизнь – хороша! Она хороша, несмотря ни на что, а может, как раз, и поэтому! Жизнь – хороша! Я повторяю это себе каждый день... Жизнь – хороша! Я в этом более чем уверен и готов вызвать на поединок каждого, кто хоть на миг усомнится в этом!

– Присоединяюсь, – сказал доктор Легг и потянулся своей кружкой к капитану.

– Они назвали сына в честь брата Джона, – прошептал сквайр, отрывая руки от помертвело лица. – А я ничего не знал.

– Да, мистер Трелони! – сказал капитан и поднял свою кружку. – И это – жизнь.

– Тогда выпьем за жизнь, – предложил сквайр и виновато улыбнулся.

Он чокнулся с капитаном и доктором, потом с Платоном и выпил до дна. Выпив вина, мужчины поставили на стол кружки, и вдруг услышали голос трактирщика, который заорал у своей стойки:

– Чёртова тварь! Где тебя только носит! Я же сказал – сейчас же!

И трактирщик с размаху отвесил пощёчину девушке, что подошла к нему с гитарой.

Голова девушки дёрнулась, она пошатнулась. Капитан и мистер Трелони, сидящие ближе к стойке, стали подниматься со своих мест. Трактирщик на согнутых ногах подбежал к гостям, чтобы успокоить их, он неловко, испуганно улыбался.

– Эта – Дэниз, самая моя дрянная девка, – стал оправдываться он. – Она своим мерзким лицом только всех посетителей распугивает. Держу её лишь потому, что на гитаре играет. А то бы давно прогнал!

Круглое, лоснящееся лицо трактирщика светилось желанием услужить господам, он машинально вытирал руки о передник, перегнувшись пополам от усердия. Потом он обернулся и зло крикнул:

– Иди сюда, мерзавка! Садись и играй! Ввела меня в гнев перед господами, шкура!

Девушка медленно, опустив глаза к полу, подошла к табурету и села. Джентльмены разом поклонились ей, но пока она шла, они поняли, о чём только что говорил трактирщик.

Дэниз шла молча, без слёз, но словно спрятав в себе такое, отчего, казалось, даже самый распянный пират, глянув на неё ненароком, тут же и протрезвел бы. Это была страшно худая и невысокая девушка, с красивыми ещё тёмными волосами и правильными чертами бледного лица. Устроившись с гитарой на табурете, она глянула на наших мужчин: глаза её, огромные на исхудалом лице, блестели, как в лихорадке, пощёчина горела на левой щеке.

Трактирщик принёс и поставил на стол жаркое, к которому никто не прикоснулся. Все ждали, что будет дальше, даже пьяные разговоры за соседними столами смолкли, и курить, кажется, стали меньше.

Девушка заиграла, сначала неловко, сбиваясь и путаясь дрожащими пальцами, но скоро она поймала ритм и заиграла спокойно и, словно, забывшись. Песня была явно испанская, из тех, которые распевают простые парни под окнами своих возлюбленных.

– О, кажется, я знаю этот романсеро, – вдруг воскликнул капитан и в следующую минуту, к немалому изумлению своих спутников, запел по-испански.

Девушка глянула на него, запнувшись, но капитан улыбнулся ей ободряюще и подхватил следующий куплет. Голос у капитана был хоть и небольшой, но приятный, бархатный. Трелони некоторое время смотрел на него потрясённо, потом налил себе вина и выпил. Доктор Легт тоже налил вина себе и Платону и начал есть, тут же подозвал рукой трактирщика, и попросил его принести ещё вина и тарелку жаркого.

Жаркое было моментально принесено, и доктор прервал девушку.

– Дорогая мисс, – сказал он. – Отложите в сторону вашу гитару, присядьте за наш стол и отдайте должное этому блюду – оно великолепно, и вам обязательно понравится... Потом мы с удовольствием послушаем вашу игру дальше. Играете вы просто чудесно.

Девушка испуганно обернулась в сторону трактирщика, который не спускал с неё глаз.

– Ваш хозяин не будет сердиться, я уверен, – громко, на весь зал, сказал капитан.

Трактирщик из-за стойки заискивающе заулыбался. Капитан взял гитару из рук девушки, Трелони подвинул к столу табурет. Дэниз села и принялась за еду, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, на щеках её появился румянец, который очень шёл ей. От вина она отказалась. Джентльмены, чтобы не смущать её, тихо заговорили о своём, быстро перебрасываясь скупыми фразами, но было заметно, что сквайр всё ещё не в себе.

– Мистер Трелони, – тихо сказал капитан сквайру. – Мне кажется, мы что-то сможем сделать по розыску вашей родственницы.

– Что? – с надеждой спросил сквайр.

– Мы можем отправить в Сантьяго письмо с каким-нибудь верным человеком.

– Да, – согласился сквайр. – Это будет правильно, я об этом не подумал... Надо поговорить с Чарли Беленьким.

– С Чарли или ещё с кем-нибудь, – уточнил капитан.

Тем временем Дэниз закончила есть и отодвинула тарелку. Потом она ещё играла, джентльмены слушали её, пили вино неспешными глотками, беседуя о чём-то между собой, потом расплатились с хозяином, и все вместе пошли на выход. И тут, совсем у двери, капитан вдруг услышал за своей спиной голос Дэниз.

– Вы капитан «Архистар», сэр? – спросила она едва слышно.

Капитан оглянулся, и хмельная улыбка его тотчас погасла – девушка стояла перед ним и умоляюще смотрела на него глубокими, отчаянными глазами. Гитары уже не было в её руках.

– Да, дорогая мисс, – ответил капитан, приветливо улыбнувшись.

– А куда вы потом пойдёте? После Тортуги? – спросила она: её стала бить заметная дрожь.

– В Южную Каролину, – сказал капитан и посмотрел на девушку вопросительно.

На бледном лице той вдруг разом загорелась надежда. Стиснув умоляюще руки, она прошептала:

– О, сэр, возьмите меня туда.

Белёные брови капитана поползли удивлённо вверх. Словно пытаясь опередить его отказ, девушка вытащила из кармана платя белый тряпичный комочек платка, показала его капитану и тут же начала лихорадочно распутывать дрожащими пальцами на нём узелки. Узелки не распутывались, Дэниз торопилась, теребила их, повторяя почти бессвязно:

– Это письмо от моей сестры. Она живёт в Чарльстоне. Она замужем и зовёт меня к себе...

Наконец, она справилась с узелками платочка, и вытащила письмо: исписанная, сложенная во много раз бумага была совсем затёрта, засалена, словно Дэниз раз за разом доставала её из платка, разворачивая и сворачивая снова и снова. Она протянула письмо капитану.

– Вот, посмотрите, – сказала она, жалко заглядывая ему в глаза. – Меня зовёт сестра. Она ждёт меня в Южной Каролине. Посмотрите!

Мистера Трелони обдало жаром. Он на одну минуту только представил себе, как эта девушка каждый раз просит заезжих капитанов отвезти её к своей сестре, и каждый раз те ей отказывают, а может быть, смеются над ней или даже обманывают, выманивая сладкими обещаниями её ласки, как она снова и снова ищет способ уехать с Тортуги, а кораблей всё нет, или они приходят, но путь их лежит не туда, не в Чарльстон ... Безысходность опять охватила его, он глянул на капитана – тот смотрел на девушку с обречённо опущенными руками, на его лице было написано отчаяние. Потом капитан пробормотал:

– Милая девушка, но «Архистар» – торговый корабль. Мы не берём пассажиров.

И бросился вон.

Остальные последовали за ним. До причала мужчины шли молча. В шлюпке они тоже молчали, не глядя по сторонам. И только на палубе шхуны они посмотрели друг на друга и встали у борта.

– Я готов уступить ей свою каюту, – сказал доктор Легг решительно, его славное лицо набычилось и потемнело под загаром, что было заметно даже в сумерках.

– О, господа. Да поймите же, доктор, – сказал капитан устало и словно бы больше для самого себя. – Мы не можем брать на борт никаких пассажиров. Физически... Мы и сами не знаем, дойдём ли целы до Южной Каролины. К тому же – женщина на борту, в рейсе... Вы же старый моряк, вы же прекрасно знаете, чем это обычно кончается.

– А чем это обычно кончается? Бунтом? – спросил мистер Трелони тихо.

Он стоял и стегал себя по ноге прутиком, подобранным на берегу.

– Если бы бунтом, сэр. Хотя и тут хорошего мало, – неумолимо ответил капитан. – В океане это обычно кончается штормом, страшным штормом, сэр.

Не дослушав капитана, доктор резко развернулся на каблуках и стал смотреть в море. Трелони сломал свой прутик раз и ещё раз, и ещё один раз, потом обломки, сложенные вместе, перестали переламываться, и Трелони швырнул их за борт.

– Спокойной ночи, джентльмены, – пробормотал он невнятно, поклонился и, ни на кого больше не глянув, пошёл к себе.

На следующий день основательно вооружённые джентльмены на шасс-маре Чарли Беленького отправились вокруг Тортуги на поиски сокровищ Диего де Альмагро.

«Тортуга – очень странный остров», – думал мистер Трелони, стоя на палубе с подозрительной трубой, чтобы рассматривать скалы, мимо которых они будут проплывать... Причудливые устои, порождённые вулканами на севере, тёплый, нагретый солнцем песок на юге. Там – неприступная крутизна и вздыбленные скалы, здесь – покатая равнина с грядой волнистых холмов, зажатая, как в тиски, теми же скалами. И везде, откуда ни посмотри – зелёное покрытие моря, собранного в складки ветром, и мятущаяся бахрома морской пены вокруг.

Сквайр обернулся и взгляделся в могучую скалу, прикрывающую вход в залив. Скалу венчал совершенно отвесный уступ, высотой где-то в тридцать футов, и на самом этом уступе Трелони рассмотрел остатки каменной площадки с полуразрушенными зубцами бойниц – ствол бронзовой пушки сиротливо торчал из бойницы, нацеленный прямо в небо.

Чарли Беленький, увидев, куда направлена труба мистера Трелони, сказал:

– А-а... Это наш «El Palomar»³. Развалины нашей «Голубятни». Этот форт, по образу и подобию французских замков, построил французский губернатор Левассер... В казарме форта могли разместиться до четырёхсот человек – огромный гарнизон по тем временам. Видите вырубленные в скале ступеньки?... Они ведут к подножию уступа. А на сам уступ можно было

³ «El Palomar» (исп. «Эль Паломар») – «Голубятня».

забраться только по железной лестнице, которую при опасности втаскивали наверх. Пушки защищали подходы с моря, а со стороны суши там крутые обрывы. А в пещере наверху устроили склады – продовольствия и боеприпасов...

– В пещере? Там есть пещера? – Сквайр был неприятно поражён и опустил трубу в растерянности.

– Да, есть пещера, – ответил Чарли Беленький. – Сам я там не был, но мне рассказывали. Тортуга обросла такими рассказами.

– А вода в гарнизоне была? – спросил капитан, опустив взгляд.

– Да, там был вырыт колодец, который снабжался родниковой водой.

– Родниковой или водой из водопада?

– Легенда говорит «родниковой». Но сказать наверняка что-либо сложно. Лет прошло много.

Чарли Беленький был явно озадачен расспросами.

Джентльмены переглянулись, а потом с усиленным пылом стали вглядываться в разрушенный форт. Капитан Беленький отдал штурвал рулевому и, помолчав немного, вдруг заговорил:

– Видите ли, наша Тортуга с острова Эспаньолы или, как Эспаньолу именуют в последнее время – с Санто-Доминго, выглядит совсем, как черепаха. И сначала Тортуге никто не придавал значения – так, маленький гористый островочек...

Но потом на Эспаньолу, уже занятую испанцами, пришли французы и увидели там несметное количество одичавших коров, быков, лошадей и свиней. И французы-первопроходцы, поняли, что, продавая мясо кораблям, следующим в Европу, они могут здорово заработать... Французы вскоре заволокли всю западную часть Эспаньолы и стали «буканьерить» – заготавливать впрок мясо животных и рыбу...

И всё было хорошо, кроме одного – нехватка на Эспаньоле удобных мест для швартовки больших кораблей. Вот тут-то они и обратили внимание на близкую Тортугу с её прекрасной гаванью. И скоро почти все корабли, курсирующие между Испанией и Вест-Индией начали следовать через Тортугу. Остров превратился в огромную копильню мяса. Но сами буканьеры постоянно пополняли ряды пиратов.

А потом земли Тортуги окончательно пришли в упадок, и в 1692 году всё французское население острова было перевезено на побережье Эспаньолы... То, что вы видите у нас сейчас – это остатки колонистов и последние из пиратов, правда, самые отчаянные.

Трелони, слушая очень грамотную и правильную речь Чарли Беленького, продолжал неустанно исследовать красно-бурые скалы Тортуги. И перед глазами его непрерывно вставали видения, неясные образы, словно скалы нарочно старались его одурачить, завлечь, наслав ослепляющий морок.

Скалы всё время преображались: собирали в складки каменные плащи, тянули тонкие пальцы, выползали на вершины изъезвленными толстыми жабами, заламывали руки и тут же поворачивались, меняя облик, и тогда сквайр видел только бесформенные береговые утёсы, но в новом повороте ему опять чудилось скопище жалких лачуг или осыпавшихся стен обветшалых замков. Кое-где на скалах виднелась зелень, порой даже довольно густая, и тут же каменная плешь вместе с жарким слепящим солнцем подбиралась к ней, душила, подминая под себя и заставляя зачехнуть.

– Посмотрите, какая странная скала стоит в море. Её отвесная стена внизу обросла кораллом чёрного цвета, – произнёс капитан.

Но мистер Трелони, всегда такой жадный до новых впечатлений, даже не повернулся в ту сторону. Капитан покосился на него, но ничего больше не сказал.

Они изучали остров с моря почти до вечера, но ничего похожего на две горы с водопадом, – левая более низкая, а правая более высокая, так и не обнаружили.

– Мистер Трелони, вы очень расстроены, что мы ничего не нашли? – спросил капитан сквайра, когда они, сделав вокруг острова круг, опять входили в бухту.

– Как вам сказать, капитан, – ответил тот и задумался. – Мне почему-то кажется, что от этих сокровищ зависит главнейшая часть моей жизни. Что когда я найду их, то у меня сразу что-то прибавит в жизни важное. Словно я стану вдруг не столько богаче, сколько красивее, моложе, умнее и даже, может быть, выше ростом.

Сквайр грустно улыбнулся и добавил:

– Хотя, конечно, умом я понимаю, что это не так.

– Ну, что-то вы совсем закусились, сэр, – сказал доктор и ободряюще улыбнулся сквайру.

– А может, наше сокровище было в той пещере на утёсе, которую приспособили под форт? А может, его уже давно нашли? – воскликнул Трелони отчаянно. – Рядом с утёсом как раз располагается такая же по высоте гора.

– Нет, я не думаю, – поспешил его успокоить капитан. – Наши горы совсем не похожи на эти утёсы. Совсем не похожи. Эти утёсы тупые какие-то. Наши горы на гобелене – остро-конечные.

– Но родник или водопад, или водопад, который со временем превратился в родник? Так всё сходится. И если строители форта обнаружили в пещере сокровища, они просто не стали бы кричать об этом! – Сквайр, казалось, был неутешен.

Немного помолчав, он добавил:

– А потом, за столько времени наши горы могли обвалиться, а с ними могло пропасть и сокровище.

– Не будем отчаиваться, мистер Трелони. Завтра же мы устроим экспедицию со стороны суши. Возьмём с собой Платона, пару матросов для охраны и устроим вылазку, – сказал ему капитан мягко, но весомо и уверенно.

Сквайр ничего не ответил. Он отвернулся, посмотрел на пустынный песчаный берег причала и вдруг увидел базарный день посёлка Бастер, находящегося в самом своём расцвете...

Здесь прямо на песке у моря грудями продавали рыбу, черепах, ламантинов, лангустов и копчёное мясо «букан», лежали вороха шкур – бычьи стопки отдельно и козьи отдельно, овощи красочными горами расцветивали тут и там одноцветье морских даров, истошно кричали куры и гуси, а рядом, тут же, шёл солидный торг золотой и серебряной посудой, морским жемчугом, инкрустированной перламутром мебелью, парчовой одеждой и церковной утварью, и вокруг этих ворохов и развалов немислимых вещей и всевозможных припасов ходили ростовщики и негоцианты, как мухи слетевшиеся сюда из Европы, и местные колонисты в широкополых шляпах, и буканьеры совсем без шляп, и оборванные, грязные пираты, и франтоватые пираты, разодетые в шёлк и бархат, и почти голые чёрные рабы в обнимку с пьяными индейцами, и все они вопили и шептали, угрожали и льстили, тянули на себя и бросали оземь – в общем, вели себя так, как на любом другом базаре мира...

Джентльмены поднялись на палубу «Архистар» на закате. На шхуне был полный порядок, а штурман Пендайс, сидя возле квартердека, чистил мелом свои серебряные серьги. Серьги были потемневшие, совсем чёрные, штурман тёр их тряпицей с мелом, осматривал со всех сторон на убывающий солнечный свет и сосредоточенно улыбался. Чувствовалось, что это занятие доставляет ему удовольствие.

– Хорошо прогулялись, господа? – спросил он, вставая.

– Тортуга – совсем маленький остров, – сказал уклончиво капитан и добавил: – Пойду на «Принцессу». Посмотрю – как там дела...

На следующий день капитан назначил островную экспедицию.

Едва показался красный диск солнца, а над морем пробежала светлая яркая полоса, едва лёгкая дымка предрассветного тумана рассеялась, и всё вокруг налилось сочными, звучными красками, капитан разбудил мистера Трелони и доктора Легга. День обещал быть жарким.

Нынешнего проводника рекомендовал капитану трактирщик Уайт. Звали проводника Анджело, был он невысокого роста, широкоплечий, и в отличие от сурового и не улыбочивого Чарли Беленького, он всё время улыбался. Улыбка так и жила, как приклеенная, на его смуглом лице, а в уголках насмешливых глаз светлой сеточкой проступали тонкие морщины. Улыбались и его губы, и изрытое оспой лицо, и корявые, но проворные пальцы, и даже собака, принадлежащая ему, которую он называл по-английски Дог, казалось, смеялась с разинутой пастью. И эти двое, проводник и его собака, как-то сразу понравились джентльменам.

Они вышли за посёлок и пошли по дорожке, по обе стороны которой то тут, то там небольшими пятнами виднелись плантации табака и сахарного тростника. На плантациях уже работали люди, в основном женщины.

– Сейчас август – время уборки и тростника, и табака, – сказал улыбочивый Анджело. – Люди встали ещё затемно. А вот когда взойдёт солнце, тогда можно делать всё, что угодно, но только не рубить тростник... Многие теряют сознание.

Трелони заинтересовался и подошёл к одному такому полю, за ним потянулись и остальные. Зелёные листья тростника шевелились под лёгким ветром, стебли, казалось, даже на глаз были переполнены сладким соком, пепельного цвета султанчики стрелок высились над этим зелёным сочным изобилием.

С одной стороны участка, почти не разгибаясь и не поднимая головы, двигались согнутые фигуры, и один за другим следовали резкие взмахи чуть-чуть загнутых на конце широких и длинных ножей. Тростник срезался у самой земли, очищался от листьев, ствол отбрасывался влево, всё прочее – вправо. Прошло пять, потом десять минут – всё те же размеренные быстрые движения, ни одной остановки, ни одного слова... «Как горек сахар для этих людей», – подумал Трелони.

– Они торопятся успеть до жары... Нам тоже надо торопиться, – сказал Анджело и пошёл к дороге вразвалочку, походкой человека, привыкшего много ходить.

На развилке он свистнул своей собаке, которая свернула вправо.

Собака обернулась, засмеялась, замахала пушистым хвостом и побежала к хозяину. По этому ответвлению дороги шли две негрятки с мальчиком лет двенадцати. На головах негрятки несли большие охапки тростника, и издали их ноша показалась Трелони невесомой, а шаги лёгкими и грациозными, и только поравнявшись с женщинами, он заметил, что тела их мокры от пота, а лица скованы тягостным напряжением. Мальчишка, который тоже нёс маленькую охапку тростника, пройдя мимо джентльменов, вдруг оглянулся и скорчил сквайру гримаску.

Скоро дорога пропала, незаметно истаяв, и они пошли по слегка вытоптанной сухой траве. Тут и там высились пальмы, но ровный участок земли, заметно поднявшись, скоро кончился, и начались утёсы, поросшие мелким кустарником и редкими деревьями.

– Вот по этим утёсам надо лазить с оглядкой, – сказал проводник, останавливаясь. – Можно загреметь с обрыва... Здесь, на дне расщелин, лежит много костей зазевавшихся охотников.

– А как с водой на острове? – спросил капитан. – Реки есть? Или водопады?

– Нам хотелось бы увидеть водопад, – сказал Трелони с надеждой.

– Не-е, – протянул тот. – Водопадов тут нету... Ни единого. Это вам надо на Эспаньолу – там и реки есть, и водопады...

Мистер Трелони переглянулся с капитаном. И тут Анджело наткнулся на разрыхлённую землю – след работы дикой свиньи или кабана и сказал радостно:

– Смотрите-ка, опять появились. Надо будет сказать ребятам из посёлка.

– На охоту пойдёте? – заинтересовался капитан.

– Не-е, – опять протянул Анджело. – Мы промеж собой сговорились их пока не бить. Мало очень их осталось.

Солнце уже пекло отчаянно.

Над головами с дерева на дерево перелетали пёстрые попугаи, хлопая крыльями совсем в неподходящие моменты: когда, нащупывая путь палками, джентльмены прыгали, как горные козы, когда из-под их ног летели камни, когда они тянули друг друга за руки в особо опасных местах. Время от времени сквайр, капитан и доктор останавливались и смотрели в свои трубы на открывающиеся перед ними горы. Горы были красивые, но они совсем не напоминали горы с рисунка Томаса Чиппендейла, сделанного им со старинного гобелена. Наконец, их проводник остановился и сказал, улыбаясь:

– Уже давно был полдень, а потому нам вовсе не возбраняется малость перевести дух. Посидим, да вот хоть тут в тенёчке, и подзакусим... И хряпнем маленько из наших фляг.

Отряд остановился на привал. Платон стал выкладывать из своего заплечного мешка провизию для джентльменов, матросы чуть в отдалении готовили еду для себя и для него. Проводник Анджело пошёл посмотреть, что растёт под дальним кустом – его рубашка на спине и подмышками была совсем мокрой от пота. Доктор Легг вытянул ноги и закрыл глаза, привалившись спиной к горячему камню. Трелони отошёл в сторону ото всех, призывно глянул на капитана, а когда тот неспешно приблизился к нему, тихо сказал, едва шевеля губами:

– Маловероятно, что наши древние испанцы потащились бы так далеко от побережья с тяжёлым кладом.

– Я тоже так думаю... Но мы хоть остров посмотрим, на всякий случай, – ответил капитан, наклоняясь, словно рассматривая что-то у себя под ногами. – Главное, чтобы нас здесь не подстрелили.

– А что? – вскинулся сквайр. – Такое возможно?

– Такое всегда возможно, – ответил капитан. – Тортуга всё-таки.

– И как же быть? – спросил сквайр уже в напряжении.

– Следить за собакой, – ответил капитан. – Пока она спокойна... Значит поблизости никого нет.

Обед прошёл тихо и сковано. Трелони всё время поглядывал на собаку Дога, которая пристроилась спать, растянувшись длинным пушистым телом в тени дерева. Капитан начал расспрашивать Анджело про охоту на острове. Тот отвечал сначала с желанием, что охота плохая, что за свежим мясом проходится ездить на Эспаньолу, что на Тортуге остались только змеи, скорпионы и черепахи, но вскоре он замолчал, поддавшись сонному оцепенению полдня.

Солнце пекло немилосердно, вокруг летали какие-то местные, островные, огромные шмели, они бросались время от времени всем своим телом на маленькие синие цветочки, что росли на земле, так яростно, словно хотели их растерзать. Где-то невдалеке стрекотало. У доктора, который лежал и дремал, видимо, заныла в сапоге нога, потому что он внезапно пробормотал, поднимаясь:

– Натёр, что ли?

Доктор отвернулся от всех и начал быстро стягивать сапог.

– Сейчас мы повернём, пройдем вдоль восточных скал – и назад, – сказал проводник, он словно бы почувствовал общее сонное настроение и добавил. – Идти надо с опаской... Тут такие скалы – рот-то не разевай...

Капитан устало поднялся на колени и стал собирать остатки провизии. Платон, толкнув спящих матросов, подошёл к капитану, чтобы помочь ему. Доктор Легг справился, наконец, со своим сапогом и повернулся ко всем лицом.

«Хорошо-то как, – подумал сквайр, – а главное, что никто не стреляет». Он, в последний раз оглядев окрестные горы в подзорную трубу, вздохнул, сложил её и посмотрел на капитана, ожидая его команду.

– Ну, пойдёмте, – просто сказал капитан, и отряд снялся с места.

Собака Дог опять побежала впереди всех, она выспалась и бодро махала хвостом, перекакивая с камня на камень, как коза. Опять потянулись новые и новые горные пейзажи, и опять джентльмены тщательно вглядывались в них. Горы были неприветливы. На них упорно карабкались деревья, не понятно за что цепляющиеся корнями. Между горами встречались небольшие площадки, поросшие кустарником и редким лесом, в котором тут и там попадались следы вырубок.

Ближе к посёлку опять пошли плантации, но какие-то уж очень древние, запущенные: невысокий сахарный тростник рос сплошным диким полем пополам с травой и кактусами, коричневые табачные листья, то сухие, то клейкие, с жёлтыми пятнами, виднелись в зарослях дикого винограда тут и там.

– Почему его не убирают? – спросил Трелони у Анджело, показывая на табак.

– Совсем старый табак, некуда не годный... Здесь земля уже совсем стала худая...

Возле посёлка капитан расплатился с Анджело и пожелал ему доброго здоровья. Когда проводник пригласил капитана и его спутников зайти в таверну к Уайту пропустить рюмочку-другую, капитан, покосившись на доктора Легга, отказался, сославшись на то, что они торопятся на корабль.

Приблизившись к своей шлюпке, джентльмены увидели матросов с пиратского брига – те как-то уж очень азартно беседовали с матросами с «Архистар», оставленными караулить шлюпку. Капитан поздоровался с пиратами, которые ответили неохотно, исподлобья поглядывая на джентльменов.

– Как продвигаются выборы нового капитана? – любезно спросил Трелони у ближайшего пирата. – Ещё не выбрали?

– Не-а, – ответил тот односложно и почесал свой нос.

Под их угрюмыми взглядами джентльмены сели в шлюпку и отвалили от берега. Когда они поднялись на борт шхуны, капитан пригласил сквайра подняться на квартердек, на котором как раз находился штурман Пендайс.

– Я пригласил вас, господа, чтобы обсудить наше положение... А оно неутешительное, – сказал капитан и, помолчав, добавил: – Мы с вами являемся как бы заложниками пиратов. Сейчас они заняты своими распрями, но когда они выберут капитана, то первое, что он им предложит – это взять с боем «Принцессу», а заодно и нашу шхуну. А мы не можем защищать сразу два корабля... Я думаю, что «Принцессой» придётся пожертвовать.

Штурман Пендайс скривился и засопел, как обиженный медведь. Потом он сказал горько:

– Да-а, сохранить «Принцессу» не получится... Я уж и так, и эдак прикидывал. С половиной команды на двух кораблях мы не удержим.

– Мистер Трелони, вы понимаете, что нам надо с Тортуги уходить? Медлить нельзя – время играет против нас и краплёными картами, – сказал капитан и посмотрел на сквайра.

– Да, с Тортуги надо уходить... С мистером Беленьким я договорюсь, он отвезёт письмо в Сантьяго. А раз так, – тихо, словно самому себе, сказал сквайр и добавил вдруг решительно и громко: – А раз так – поднять паруса!

– Этого я от вас и ждал, сэр! Завтра утром мы покинем этот негостеприимный остров! – воскликнул капитан и добавил значительным шёпотом: – И спокойно осмотрим северо-западное побережье острова Эспаньола, ту часть, которая Гаити – со стороны Наветренного пролива...

– Мистер Пендайс, – уже громко сказал капитан. – Передайте от меня боцману Джонсу, чтобы он, не трогая груза с «Принцессы», все вещи из каюты коммодора Гранта, как мой бое-

вой трофеей, перетащил ко мне в каюту. Как можно тише... Ночью... Вместе с рундуком командора, разумеется.

На рассвете следующего дня, когда на шхуне тихо, без суеты и обычных криков, стали поднимать якорь, доктор Легг, стоявший на квартердеке, первым заметил на берегу женщину. Доктор поспешно раскрыл свою зрительную трубу и влип в неё глазом.

– Это Дэниз, – сказал он дрогнувшим голосом, опуская трубу.

– Ну и что? – буркнул капитан сквозь зубы, он был напряжён и ни на кого сейчас не смотрел.

– Она стоит на причале. Вот, посмотрите, дружище, – Доктор передал трубу мистеру Трелони.

Тот быстро навёл трубу на берег. Капитан смотрел в другую сторону, не оборачиваясь.

– Она стоит на причале и плачет, – произнёс в свою очередь сквайр. – Боже мой, какое у неё лицо!

Доктор тихо застонал, выхватил трубу у сквайра и застыл, опять вглядываясь. Какое-то время капитан молчал, отвернувшись, потом вдруг взорвался:

– Чёрт! Чёрт! Чёрт!.. В бога, в душу, в дьявола! Платон!

Платон подлетел к нему.

– Спускайте скорее шлюпку и – за ней, на берег! – закричал капитан. – Берите Дэниз и сразу назад! Слышишь? Скорее, мы упустим ветер!

Штурман Пендайс неодобрительно покосился на капитана, но ничего не сказал. Он посмотрел на небо, потянул воздух носом, шевельнув волосатыми ноздрями, словно пытаясь определить по запаху, не подведёт ли их ветер, крякнул негромко и потупил голову. Насколько он понял со слов капитана, тот собирался привезти на шхуну бабу... «Господи святы, сподобились, дожили, да ещё в такой момент, что же теперь будет-то», – подумал штурман Пендайс и посмотрел в трубу на бриг «Гордый».

Какое-то время он молча рассматривал бриг, потом сказал капитану тихо, но с явным недовольством в голосе:

– На бриге, кажется, что-то почуяли и спускают на воду шлюпку, сэр.

Сквайр глянул на доктора и закусил губу: доктор смотрел по-прежнему на берег, на Дэниз. Штурман Пендайс отнял свою трубу от глаза и, чуть скосившись в сторону капитана, сказал уже громче:

– От брига отвалила шлюпка с десятью гребцами, сэр.

Посмотрев в трубу ещё, штурман опять доложил:

– Идут к «Принцессе», вот дерьмо!

Капитан молчал, держась за поручни обеими руками, он уставился тяжёлым взглядом в море.

– Причалили к «Принцессе», – тяжело вздохнув, сказал штурман спустя несколько минут.

Тут доктор, ни слова не говоря, бросился с квартердека. Мистер Трелони оглянулся на капитана, помедлил и кинулся вслед за доктором. В эту минуту штурман опять сказал про шлюпку с «Гордого» – он неотрывно следил за ней всё это время:

– Ага, причалили. Лезут на борт... Дьявол! Они бросились сразу почему-то на корму!

Капитан обернулся, быстро снял свою трубу с плеча, раскрыл её и, приставив к глазу, стал жадно смотреть на палубу «Принцессы».

– Что-то они долго не выходят на палубу, – продолжал докладывать штурман, хотя капитан и сам теперь следил за пиратами на «Принцессе».

– Платон по моему приказу заклинил дверь капитанской каюты, – объяснил ему капитан и криво ухмыльнулся.

– Ага, появились, собаки. Забегали, – сказал штурман задумчиво и спустя какое-то время добавил: – А вот теперь они полезли в трюм, в рот им ноги. Вылезли, висельники шкафутные⁴. Совещаются... Смотрят в нашу сторону, чтоб им пусто было.

И тут у квартердека раздался крик доктора:

– Дэниз на борту!

И капитан словно ожил, словно развернулся, как сжатая пружина, которую долго сдерживали, томили в бездействии и теперь вдруг отпустили.

– С якоря сниматься! – закричал он. – Поднять все паруса!

На палубе забегали – все только этого и ждали. Нужные действия стали выполняться одно за другим – с поразительной быстротой, молча и почти бесшумно. Капитан повернулся к доктору и отчеканил:

– Доктор, ведите даму в свою каюту, сидите там с ней и не высовывайтесь... Предоставьте ей все удобства, развлекайте её, хоть соловьём свистите, но на палубе ей делать нечего.

Доктор утвердительно затряс головой и кинулся прочь. Трелони поднялся на квартердек и стал следить за капитаном: тот неотрывно смотрел в трубу на «Принцессу». И тут штурман Пендайс поспешил опять сообщить:

– От «Принцессы» отвалила шлюпка и помчалась назад к бригу...

Но паруса «Архистар», один за другим, уже наполнились ветром. Бушприт шхуны указывал в сторону моря, словно она сама рвалась на волю, и вскоре она двинулась вперёд, всё убыстряя и убыстряя свой ход.

И тут грянул пушечный выстрел.

Борт «Гордого» затянулся дымом, а вдоль левого борта «Архистар», с большим недолётом, просвистело ядро и ударило в воду, подняв фонтан брызг. И следом раздался ещё один предупредительный выстрел из второй пушки, которую, видимо, за это время успели повернуть на вертлюге. От брига опять отвалила шлюпка с десятью гребцами: налегая на вёсла, они помчались за «Архистар» вдогонку.

– Кажется, они требуют, чтобы мы остановились, сэръ, – пробормотал штурман Пендайс.

Капитан скривился и ответил:

– Чёрт, мы не успели... Что же, делать нечего. Посмотрим, чего они хотят от нас.

Капитан отдал приказ лечь в дрейф⁵. Грот, кливер и стаксель были вынесены на ветер, фор-марсель поднят. Шхуна постепенно сбавляла скорость, а потом и совсем встала на месте, и лишь отлив слегка сносил её. Когда шлюпка приблизилась, один пират поднялся в ней на ноги и принялся махать шляпой. Скоро пиратская шлюпка сошлась с «Архистар» бок о бок с подветренной стороны и, зацепившись багром за ванты грот-мачты, причалила.

– Что вам надо? – гаркнул боцман Джонс в шлюпку, перегнувшись через борт.

– Переговоры! Мы требуем переговоры! – закричали из шлюпки. – Или мы разнесём вашу шхуну из пушек!

Боцман обернулся на капитана. Капитан медленно подходил к нему, показывая указательный палец.

– Хорошо, один человек может подняться! – опять прокричал боцман в шлюпку.

Со шхуны сбросили верёвочную лестницу, по которой тут же быстро и сноровисто стал взбираться какой-то пират.

Он спрыгнул на палубу «Архистар», отыскал тревожными глазами капитана, скомкано поклонился ему и сказал со всей решительностью:

– Капитан Веласко! Отдайте нам Руку нашего капитана!

⁴ Шкафут – часть верхней палубы вдоль борта, между средними мачтами.

⁵ Лечь в дрейф – расположить паруса таким образом, чтобы от действия ветра на один из них судно шло вперёд, а от действия его на другие – пятилось назад, вследствие чего судно держится почти на месте. А также, отклонение движущегося судна от курса под влиянием ветра или течения; снос судна в сторону при стоянке на якоре.

Глава 2. Чёрт бы побрал это золото!

– Ещё раз повторите, что вам от меня надо, – сказал капитан, глядя на пирата остекленевшим взглядом.

– Вы взяли с полакра рундук коммодора Гранта. А в нём была Рука. Коммодор отрезал Руку у капитана Санчес, чтобы засушить её, – ответил пират, и у него был вид человека, который уверен в своих словах.

За спиной капитана потрясённо всхлипнул боцман Джонс. Капитан оторопело выговорил:

– Я разделяю ваше негодование.

– Чего? – коротко переспросил пират.

Он непонимающе уставился на капитана, глаза его были пусты, потом он, наконец, словно понял что-то и сказал неловко:

– Да чего там. Да мы и сами хотели. Для удачи... Коммодор нас просто опередил! Ничего нет вернее для удачи, чем правая рука удачливого капитана. Капитан Санчес таким и был... Отдайте нам Руку!

Капитан потрясённо молчал, не зная, что и сказать. Пират по-своему расценил это молчание.

– Мы готовы вам за неё вернуть обратно «Принцессу», – вскричал он, делая неопределённый, но решительный жест за спину.

– Давайте сначала посмотрим, на месте ли тот предмет, о котором мы сейчас с вами беседуем, – наконец, нашёлся капитан и попросил: – Подождите меня.

И он быстрым шагом направился в свою каюту, по дороге стараясь собраться с мыслями. В каюте он бросился к рундуку коммодора, открыл замок ключом, поднял крышку... Белёлые брови капитана поползли на лоб: поверх всех вещей коммодора лежал продолговатый предмет, завернутый в просмоленную парусину. Капитан взял свёрток в руки и стал его разматывать.

В нос ему ударил резкий запах дёгтя, соли и ещё чего-то острого, незнакомого. Наконец, под последним слоем парусины капитан увидел что-то, замотанное в бурые липкие тряпки, покрытые крупными кристаллами соли. Из просвета сбившихся в одном месте тряпок выглядывал сморщенный человеческий мизинец. Капитан резко выдохнул, быстро завернул предмет обратно в парусину и растерянными глазами обвёл свою каюту...

Когда капитан со свёртком в руках появился на палубе, на губах его мерцала неясная улыбка. Он приблизился к пирату. Матросы, стоявшие рядом, попятнулись, со страхом глядя на узкий, длинный свёрток в руках капитана.

– Рука у меня, – сказал капитан и добавил веско: – И она дорогого стоит.

– Что вы хотите за неё? – воскликнул пират.

– Чтобы вы на бриге проводили «Архистар» и «Принцессу» до Флориды. Там я отдам вам руку, и мы расстанемся... Идёт?

Пират думал не долго.

– Идёт. Я согласен... Команда, я думаю, меня поддержит, – быстро сказал он и пояснил: – Теперь я капитан на «Гордом». Меня зовут капитан Авила.

И капитаны договорились о своих совместных действиях. Новый капитан «Гордого» был видный, высокий мужчина с тёмными волосами. Загорелое, мужественное лицо его обрамляли пушистые бакенбарды, тёмные глаза были умные, трезвые и, как тотчас же почему-то подумал капитан, честные.

Когда пиратская лодка отчалила, к капитану, стоящему со штурманом на четвердеке, подошёл взволнованный мистер Трелони и спросил, покосившись на свёрток в руках капитана:

– Капитан, что происходит?

Капитан ухмыльнулся.

– Происходит то, что коммодор Грант хранил у себя в рундуке мёртвую руку капитана Санчес, – сказал он и опустил глаза вниз, показывая ими на свёрток.

– Господи, а зачем? – изумился сквайр, он опять посмотрел на свёрток и брезгливо скривился.

– С её помощью он надеялся подчинить себе экипаж брига и держать его в повиновении, – быстро и со знанием дела ответил капитан. – А ещё руку можно перед боем выставлять на страх врагу... Очень действенный амулет.

Капитан поднял свёрток вертикально и потряс им у себя над головой. Штурман Пендайс не спускал со свёртка цепких глаз.

– У меня нет слов... И что же теперь будет? – спросил сквайр.

– О, всё складывается просто великолепно... Теперь мы до Флориды пойдём с эскортом! – Капитан опять ухмыльнулся.

– А вы думаете, флибустьеры из-за этой Руки будут нас защищать? – Сквайр не отставал от капитана.

– Как знать, как знать, – ответил тот. – У меня на это есть определённая надежда.

Мистер Трелони посмотрел на капитана удивлённо. Спросил скептически:

– Вы так верите в эту Руку, капитан?

– Я – нет, а вот простые пираты верят, – капитан хитро улыбнулся. – О, сэр... Пираты – это же совсем другое дело. Таким отчаянным парням нужен такой же отчаянный амулет. Да и наши матросы, посмотрите на них, тоже верят... И потом, даже если пираты не будут за нас драться: к двум кораблям мало кто сунется – это вам не одинокая шхуна в морском просторе. Мы и бриг – это уже маленькая армада. Мы сами теперь можем напасть на кого угодно.

– Надеюсь, что вы шутите, – проговорил потрясённый Трелони.

Капитан глянул на него, чуть прикрыв красивые глаза, и не сказал ни слова. Постояв некоторое время как бы в задумчивости, он вдруг заговорил, и в голосе его чуткий сквайр сразу почувствовал озабоченность и даже тревогу:

– Вы не на те моменты обращаете внимание, мистер Трелони. Вы бы лучше вот о чём побеспокоились, сэр.

Сквайр вопросительно глянул на него. И тогда капитан объяснил, глядя глаза в глаза:

– Как потом, отдав пиратам Руку, уйти от них подобру-поздорову? Живыми... Без боя.

Трелони округлил глаза, застыв на месте. Какое-то время все потрясённо молчали, а капитан крикнул боцмана и приказал ему отправить часть команды назад на «Принцессу».

Когда боцман ушёл, штурман Пендайс пробормотал:

– А капитан Авила мало похож на пирата.

– В пираты попадают самые разные люди самыми разными путями, – уклончиво ответил капитан и, помолчав, сказал вдруг: – Мистер Пендайс, вы уже поняли, что у нас на борту пассажирка?

Штурман невольно поморщился.

– Да, сэр, – кисло промямлил он.

– Я думаю, она нам не доставит хлопот – наш доктор обязался лично проследить за этим, да и Платон ему поможет, – сказал капитан веско.

– И я тоже, капитан, – воскликнул сквайр.

Капитан положил свой страшный свёрток на палубу, повернулся к сквайру и, заложив большие пальцы за пояс, сказал:

– Тогда, мистер Трелони, вот и займитесь этим... Передайте от меня коку, что у нас теперь на борту пассажирка, пусть придумает приготовить ей что-нибудь такое...

Капитан замялся и растерянно пошевелил пальцами в воздухе.

– Я не знаю, что-нибудь эдакое... Пусть сообразит, – закончил он. – Для доктора в трюме надо сделать выгородку. Должен же он где-то спать? Платон у нас теперь за плотника, вот пусть Платон что-нибудь и соорудит. И гальюн. И помыться.

Тут капитан взорвался.

– Чёрт, да я вообще не должен думать об этом! – вскричал он. – Пусть этим займётся доктор! Он же доктор, в конце концов!

У него было такое возмущённое и, в то же время, беспомощное лицо, что мистер Трелони невольно улыбнулся.

– Я обо всём позабочусь, капитан, – произнёс он поспешно и, поклонившись, чтобы скрыть улыбку, быстро сошёл с квартердека, лихо перебирая ногами на узких и крутых ступенях.

Проводив его взглядом, капитан сказал:

– Не сердитесь, Пендайс, наша пассажирка хорошо заплатила. Я не мог отказать.

– Да я ничего... Да я так, – пробормотал штурман, лицо которого, впрочем, сразу же смягчилось, и он спросил удовлетворённо: – Что? Идём в бухту Зачатия, сэр?

– Нет, в бухту святого Николая. Взять провианта и воды, – ответил ему капитан.

И они одновременно, как по команде, оглянулись назад, где за кормой виднелся шедший за ними пиратский бриг «Гордый».

– Вроде, как отстают, – сказал штурман, сощурившись оценивающе.

– Нет, не отстают. Это мы торопимся. Сейчас их надо пропустить вперёд и подождать «Принцессу»... Командуйте, мистер Пендайс, – ответил капитан.

Он нагнулся, взял свёрток с Рукою и пошёл, было, с квартердека, как штурман Пендайс остановил его вопросом в спину.

– А скажите, сэр, – спросил штурман и несмело кашлянул. – А вы уже знаете, как нам отвязаться без боя от пиратов с «Гордого»?

Услышав это, рулевой Скайнес, не поднимавший до этого глаз и ничем не обозначавший своего присутствия на квартердеке, вдруг насторожился и с надеждой глянул капитану в спину.

Капитан замер на месте, коротко выдохнул, и растерянность на его лице моментально сменилась уверенностью. Он обернулся к штурману и сказал резко:

– Конечно, знаю! Зачем вы спрашиваете, мистер Пендайс?

– Да я так, сэр, – пробормотал штурман, смутившись. – Так это я...

Капитан поспешно отвернулся от штурмана и, ничего не ответив ему, кубарем скатился вниз.

Он направился в свою каюту в совершенной растерянности, но с определённым желанием: наконец-то перетрясти, как ему этого и не хотелось, всё в рундуке у коммодора Гранта. Что у него там вообще лежит, кроме этой долбанной Руки, чёрт возьми?..

Закрыв за собою дверь каюты, капитан подошёл к рундуку, встал перед ним на колени, положив сбоку свёрток с Рукой, распахнул крышку и принялся выкладывать вещи коммодора, особо их не разглядывая.

В основном в рундуке была одежда. Наконец капитан дошёл почти до самого дна и вытащил просмоленный плащ, отбросив его в сторону. Когда под плащом среди всяких мелких предметов капитан увидел несколько свёртков размером с человеческую голову, он даже не удивился, он и ожидал увидеть сейчас нечто подобное. Он поднял один свёрток и поразился его тяжести. Положив свёрток на свободное место на полу, капитан принялся развязывать стягивающий его узел.

Первый предмет, который он увидел в свёртке, его удивил и опечалил, потому что это был шило-нож цыгана Сальвадора. Капитан взял в руки нож и подумал, что цыган по доброй воле ни за что бы не расстался со своим оружием, которым он владел в таком совершенстве и с

которым он составлял буквально одно целое. Это было странно, что теперь цыган остался без него. Капитан тряхнул рукой с зажатым в нём ножом от себя, и узкое лезвие, легко выскочив, замерцало своей страшной, погибельной красотой. Капитан любовался мертвенным блеском клинка, в котором было что-то завораживающее, и со вздохом спрятал его.

Отложив нож в сторону, он взял в руки свиток, закрученный в клеёнку и перевязанный затёртой лентой, развязал её и мельком просмотрел бумагу. Это был патент на каперство капитана Санчес, за которым охотился командор Грант, и в присутствии этого документа среди вещей коммодора не было ничего неожиданного. А ещё капитан обнаружил здесь замотанную в тряпку золотую табакерку с испанского галеона. Ну конечно, а где же ей ещё быть?

А вот потом пошли интересные вещи. Вместо денег, которые, судя по тяжести, капитан предполагал найти в свёртке, он обнаружил золото – золотые самородки, большие и не очень, и множество золотой крупы и песка, насыпанных в маленькие мешочки. И капитан сразу же понял все те намёки, взгляды и недомолвки, которыми обменивались между собой коммодор Грант и капитан Санчес.

«Чёрт, чёрт, чёрт!» – суматошно подумал капитан, совершенно оглушённый, уничтоженный этим открытием... Это же контрабандное испанское золото! Нам только не хватало проблем с испанским законом! И потом... Своё пропавшее золото будут искать сами контрабандисты – а вот это даже будет страшнее мести короля!

Капитан мгновенно вспотел, мокрыми руками связал опять всё в один узел, с тяжёлым стуком уложил узел на дно рундука и потрогал все остальные свёртки – в них наощупь опять были самородки, чёрт бы их побрал!

Он захлопнул крышку рундука, тщательно закрыл его на ключ и пошёл разыскивать мистера Трелони, чтобы поставить его в известность.

Скалы северного побережья острова Эспаньола молчаливо смотрели на проходящую мимо «Архистар» и ехидно скалились.

Не хотели они отдавать никому свою тайну. Мистер Трелони и доктор Легг с большой тщательностью осматривали эти скалы в свои зрительные трубы, разыскивая нужные им очертания гор с гобелена, но через несколько часов им уже стало понятно, что все их труды тщетны. К тому же поднялся ветер, который с каждым часом свежел. На идущем впереди «Гордом» взяли рифы⁶. То же приказал сделать и капитан. Он стоял у штурвала и чувствовал дрожь «Архистар», которая передавалась ему через перо руля, слышал её взволнованный «голос» – всевозможные поскрипывания, гул корпуса и звон такелажа. Вскоре «Гордый» стал держаться мористее. Шхуна пошла за ним.

– Капитан, мы уходим от берега? – крикнул сквайр, он сложил трубу о живот и подошёл ближе.

– Здесь по всему побережью тянутся рифовые отмели, они подходят близко к берегу... Сейчас идти вдоль берега становится опасно, – ответил капитан, стараясь перекрыть ветер.

Он неотрывно следил за бригом, который как-то уж очень резво шёл в открытое море.

– Но и совсем уходить на север я бы не стал! – прокричал капитан. – Нас может вынести на банки⁷.

– Куда? – не расслышал мистер Трелони.

– В двухстах милях к северо-востоку от Тортуги находится знаменитая Банка-Силвер. Банка состоит из двух крупных рифов и множества отмелей. И нам туда совсем не надо... Вокруг Тортуги и так лежит целое кладбище затонувших кораблей: сотни галеонов, фрегатов,

⁶ Взять рифы – уменьшить площадь паруса, свёртывая его снизу и подвязывая свёрнутую часть у косых и шлюпочных парусов или подбирая парус кверху и прихватывая его к рее у прямых парусов.

⁷ Банки – здесь: всякое возвышение морского дна; в тесном же значении банками называются только те возвышения, на которых глубина воды 30 футов и менее.

шлюпов с грузом золота и серебра, погибших на пути в Испанию из Нового Света, – стал рассказывать капитан.

У штурвала его уже сменил рулевой. Капитан рассказывал, прерываясь и выкрикивая приказы, и повинаясь этим приказам, матросы бежали по палубе, лезли на верх, карабкались, спускались и снова лезли. Ветер и волнение усиливались.

Через какое-то время Трелони прокричал:

– Капитан! Это шторм?

– Нет! Это просто шквалистый ветер! – крикнул капитан в ответ, глаза его светились азартом. – Идите вниз, к доктору!

– Он пошёл к Дэниз! Успокоить её! – Сквайр изо всех сил вцепился в поручни.

– Вот и вы идите! Сейчас ещё можно! Я приказываю! – голос капитана зазвенел яростью, он был непреклонен.

Мистер Трелони ушёл.

Скоро волны, свирепея, превратились в белопенные холмы, а на океан обрушились потоки дождя. Молнии с треском, с яростным озлоблением рвали мрачные тучи на части, казалось, всё небо клубилось от вспышек далёкого огня. Ветер завывал, закручивая и прессуя воздух в упругие густые потоки. И среди этой бешеной стихии, качаясь и почти черпая бортами волны, шли «Архистар» и «Принцесса».

«Гордый» уже давно скрылся из глаз в туманном морском просторе.

На следующее утро ветер стих.

Небо очистилось от туч. В полдень капитан определил местонахождение шхуны – они были недалеко от мыса Святого Николая. «Принцесса» маячила неподалёку. «Гордого» нигде не было видно, но он, если его не унесло на банки Мушуар и Силвер, должен был подойти к мысу – так было договорено на случай, если корабли потеряют друг друга.

Когда с левого борта шхуны показалась суша, к капитану приблизился кок Пиррет и попросился на берег – наловить кокосовых крабов для пассажирки.

– Да, мистер Пиррет? – воскликнул удивлённый капитан. – Для меня вы крабов никогда не ловили!

– Так, видите ли, сэр! – Кок жалобно скривился, прижав руки к груди от смущения.

– Да ладно... Садитесь в шлюпку, – капитан махнул рукой. – И возьмите себе, кого вам надо, на подмогу.

Скоро по всему берегу бегали матросы с палками – они гонялись за крабами, которые со всех ног улепётывали от них.

Угнаться за кокосовым крабом было довольно трудно, и даже страшновато, потому что краб стремительно бежал, держа наверху две свои раскрытые могучие клешни. А всем известно, что этими клешнями «кокосовый вор» запросто разгрызает кокосовый орех, чтобы съесть его мякоть: кокосовые крабы дышат с помощью лёгких, и не могут жить в воде, но они хорошо приспособились лазить по пальмам и срезать кокосы, которыми питаются.

Только кок Пиррет за крабами не бегал. Он, самый старый и самый ушлый, сидел возле крабьей норы и ждал. Как только краб выползал на поверхность, кок палкой оглушал его. Нор на берегу было множество, крабы были не пуганы, и скоро кок и матросы набили их целую гору. Иные крабы оживали и норовили уползти из кучи, тогда их били палкой снова.

Брига всё не было, и Пиррет попросил разрешения капитана наловить лангустов и омаров. Капитан фыркнул, но разрешил. Матросы охотно засели за изготовление ловушек из половинок пальмовых листьев на каркасе из гибких веток – длинных коробок с двумя входами, куда внутрь кладут куски протухшей рыбы или мяса. На морском дне в такую ловушку за ночь обычно заползает по нескольку особей этих огромных десятиногих ракообразных, и к утру кок обещал пополнить рацион команды обоих кораблей вкуснейшим мясом...

Западная часть острова Эспаньола, как уже рассказывалось, дорогой читатель, принадлежала в то время Франции.

Сейчас это Республика Гаити, и в состав этого государства также входят близлежащие острова Гонав, Тортю (Тортуга), Ваш, Кайемитес, Ла-Гранде-Кайе, Навассе и несколько мелких островов и рифов. И эта западная часть Эспаньолы представляет собой гористую возвышенность, сильно расчленённую крупными полуостровами. Да и само название Гаити произошло от слова «хайити», что на языке индейцев таино означает «гористая земля».

В отличие от многих других островов этого региона Гаити не испытывает недостатка в пресной воде – с гор здесь стекают многочисленные водотоки. До прихода европейцев остров был практически полностью покрыт густыми дождевыми лесами, причём на севере преобладали листопадные тропические леса, а на юге – вечнозелёная растительность. Сейчас на Гаити сохранилось лишь несколько лесных массивов, всё остальное отдано под сельскохозяйственные угодья, и в связи с исчезновением лесов Республика Гаити сильно страдает от опустынивания и эрозии почвы. А от смываемой с суши почвы страдают прибрежные рифы, которые находятся здесь близко к побережью.

Климат Гаити тропический пассатный, с жаркий и влажный летом, причём температура воздуха сильнее изменяется в течение дня, чем от сезона к сезону. Периоды дождей: апрель – июнь, сентябрь – ноябрь. Здесь часто бывают разрушительные тропические ураганы, в основном в период с июня по сентябрь – октябрь.

Также нередки и засухи...

Бриг «Гордый» пришёл на мыс Святого Николая к вечеру следующего дня.

Его только чудом не выбросило на банки у северо-востока Тортуги. Капитаны обговорил новый маршрут – кубинское побережье в районе Рио де Марес. И капитан приказал штурману Пендайсу рассчитать новый курс.

Остров Куба, на который сейчас направлялась «Архистар», лежит на севере Карибского моря западнее острова Эспаньола и входит в состав Больших Антильских островов. От Северной Америки остров Куба отделен Флоридским проливом на севере и Юкатанским проливом на западе.

В октябре 1492 года три каравеллы адмирала Христофора Колумба «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья», на борту которых было всего 90 человек, впервые достигли острова в бухте Байа де Бариай (Bahía de Bariay), что находится на северо-восточном побережье нынешней провинции Ольгин (Holguín). Именно здесь, вступив на берег, адмирал произнёс свои знаменитые слова о земле, прекраснее которой не видели человеческие глаза.

Упрямый Колумб был хорошо знаком с трудами Марко Поло и до конца своих дней был уверен, что открыл новый, западный путь в Индию. Поэтому адмирал присвоил этой области наименование Манго или Маго, сходное с тем, которым у Марко Поло обозначалась страна, сопредельная с Китаем. Все эти земли Колумб хотел сначала назвать Хуаной, но, в конце концов, оставил за ними первоначальное название, близкое к туземному, и назвал – Куба...

И вот, следуя за «Гордым», «Архистар» и «Принцесса» приблизились к прекрасному зелёному берегу и бросили якорь на полагающемся расстоянии от пиратского брига. На «Гордом» стали спускать шлюпку. На «Архистар» тоже зашевелились.

Капитан наблюдал за приготовлениями к спуску шлюпки, когда к нему подошёл доктор Легг и встал рядом, заложив руки за спину. Некоторое время они стояли молча.

Потом капитан сказал, скосив на доктора глаза:

– Ну, говорите, доктор, что вы от меня хотите.

Доктор Легг смутился и пробормотал:

– Капитан, как вы догадались?..

– Зная вас, это было не трудно... К тому же, с вами нет мистера Трелони, а значит он где-то прячется, выжидая, что я вам отвечу, чтобы потом выйти самому, – ответил капитан и улыбнулся. – Ну, говорите, говорите... Я уже догадался, что вы хотите сообщить мне о нашей пассажирке.

– Да, капитан, – отозвался доктор замирающим голосом. – Я хочу попросить. То есть, я, конечно, знаю, что команда на берег не сходит... Но, может быть... В виде исключения... Дэниз уже столько времени никуда не выходит. Если бы ей хоть чуть-чуть постоять на берегу. Если возможно...

Доктор в конец сбился, покраснел и умолк.

– Ну что вы такое говорите, доктор? – спросил капитан беззлобно. – Мало того, что наши матросы знают, что на борту женщина – ходят, ухмыляются... Так вы ещё хотите, чтобы про это узнали и пираты?

– Так они не узнают! – вскричал доктор. – Не догадаются! Мы Дэниз переодели!

– Во что? – удивился капитан.

– В мою одежду. А мистер Трелони одолжит ей свои сапоги и треуголку!

Доктор с надеждой смотрел на капитана во все глаза. Некоторое время капитан молча глядел на доктора, потом произнёс неожиданное:

– Лучше шляпу... С широкими полями.

Доктор почти что подскочил и прокричал радостно:

– Так значит можно?

– Пусть садится в шлюпку пассажиром, – ответил капитан и спросил у доктора Легга. – Доктор, а вы грести умеете?

– Конечно, капитан, – ответил доктор и с обидой добавил. – Я же не мальчик.

– Тогда садитесь тоже – будете следить за пассажиркой. Скорее, – поторопил его капитан.

Доктор Легг опростелом побежал в свою каюту. Вернулся он уже с Дэниз, которая действительно была одета в мужскую одежду и неловко шла за доктором в натянутой на самые брови широкополой шляпе. Одежда доктора сидела на ней несколько мешковато и полностью скрывала фигуру. Волосы девушки были убраны в кожаный кошель, на её ногах капитан заметил сапоги Трелони. Сам сквайр шёл за доктором и Дэниз следом и поглядывал на капитана из-за их спин. Когда они подошли к капитану, тот спросил у сквайра:

– Это вы всё придумали, сэр?

Сквайр поморгал, не зная, что ответить, и сказал односложно:

– Да.

– Я так и думал, – ответил капитан. – За это, сэр, я поручаю вам вахту возле двери моей каюты. Будете охранять драгоценную Руку. Берите все пистолеты, какие только найдёте. Я пошёл... Все уже сидят.

Он перелез через фальшборт и спрыгнул в шлюпку.

...каждая салага знает, что подход к берегу во время прибоя – один из самых трудных манёвров при управлении шлюпкой, и он должен производиться хорошо обученными гребцами под командованием офицера. А прибой, как известно, бывает при ветре с моря, но может возникнуть и при штилевой погоде от зыби. И тут самое неприятное то, что волны прибоя выше и круче волн открытого моря, и на них шлюпка зарывается, резко теряет ход, плохо слушается руля, заливается с кормы водой или, что самое опасное, развёртывается бортом (в морской терминологии именуемой «лагом») к волне и может вообще опрокинуться.

Каждая салага знает, что подходить к берегу во время прибоя следует только в случае крайней необходимости и в светлое время суток, выбирая пологий песчаный берег...

Сейчас прибоя почти не было. Берег, как прикинул капитан опытным глазом, был пологий, и зона прибоя ширилась большой полосой: светло-зелёная вода мерно кипела белой пеной у кромки песка странного оранжевого цвета. Это было даже красиво.

Шлюпка мчалась, рассекая воду, вёсла скрипели в руках гребцов, которые мерно ухали в такт. Капитан покосился на доктора Легга. Доктор не сбивался с общего ритма, стараясь изо всех сил. Он сидел на банке правильно: чуть согнутые ноги упирались в упорки, кисти согнутых в локтях рук находились на весле – одна на рукояти, другая на вальке. Лопасть его вёсла двигалась по воздуху, как и все остальные вёсла, на высоте планширя, развёрнутая параллельно поверхности воды, а вводилась в воду быстро, энергично и без удара.

У капитана потеплело в груди... «Завтра у доктора будут болеть все мышцы», – подумал он, посмотрел на берег и вполголоса скомандовал:

– Табань!

Спустя несколько секунд они врезались в рыжий песок.

Не успела шлюпка остановиться, как капитан, доктор и матросы выскочили в воду и вытащили шлюпку на берег. В шлюпке осталась одна Дэниз. Она не знала, что ей делать, и в полной растерянности прижималась к борту шлюпки, вцепившись в планширь руками и сжавшись среди мушкетов и бочонков для воды, которыми загрузили шлюпку. Но Дэниз никто ничего не успел сказать, как капитан подошёл к ней, нагнулся и рывком взял на руки.

Дэниз ахнула, схватилась за плечо и шею капитана, и вгляделась в его глаза. Капитан смотрел на неё всего лишь мгновение, потом вынес её на берег, поставил на песок и сказал сурово в сторону доктора:

– Доктор Легг, занимайтесь.

И не глядя ни на кого, размашисто пошёл прочь, чувствуя всей спиной потрясённый взгляд Дэниз. Капитан подошёл к камню, на котором сидел капитан Авила, поджидавший его – шлюпка с «Гордого» причалила к берегу несколько ранее, и её гребцы уже ушли за водой.

Капитан Авила встал навстречу капитану, снял шляпу, быстро поклонился и насмешливо спросил:

– Носите своих матросов, капитан Веласко?

– Это пассажир. Мальчишка. Мне надо доставить его во Флориду, к родным, – ответил капитан и, уводя разговор в сторону от опасного предмета, спросил:

– А что это за бухта, капитан Авила?

Капитан Авила словно не заметил увёртки капитана и ответил охотно:

– Это бухта в окрестностях Рио де Марес. Я называю её «Апельсиновой». И не потому, что здесь растут апельсины, а потому, что здесь песок необыкновенный, из оранжевых кораллов... Вы заметили?

– Да, обратил внимание, – Капитан сощурился, оглядывая берег, и спросил: – А вода здесь, значит, выше по берегу?

– Да, там, в пальмовой роще есть небольшой ручеёк среди кустов хиба, – капитан Авила показал рукой направление.

Капитан повернулся к своим матросам и махнул им в сторону рощи. Матросы разобрали бочонки и мушкеты и пошли вглубь берега. Стройная длинноногая фигура доктора и бесформенная фигура Дэниз чётко выделялись на фоне рыжего песка: Дэниз пыталась ходить, её качало, и доктор, наконец, помог ей сесть и сел на песок рядом. Он что-то рассказывал девушке.

– Я хотел с вами поговорить, капитан Веласко ... Пока наши команды заняты, – тихо произнёс капитан Авила.

Капитан посмотрел на него.

– Я всё думаю о наших совместных делах, капитан Веласко, – продолжил капитан Авила. – Мы с вами, два наших корабля – это же сила... Мы можем обогатиться до конца своих

дней... Если придумать какой-нибудь поход, а вы, я чувствую это, мастер придумывать всякие штуки... Если подкараулить и напасть на какого-нибудь негоцианта, с трюмом, набитым товаром. Мы можем здорово обогатиться! Что вы мне скажете?

Капитан, который слушал капитана Авила, не перебивая, но и не поддерживая ничем, опять поднял на него глаза и ответил уклончиво:

– Мы можем разбогатеть. А можем сыграть в рундук Дэви Джонса. А я не могу сейчас подвергать риску мой корабль...

Капитан смолк. Не дождавшись продолжения, капитан Авила вдруг спросил:

– А скажите, капитан Веласко! А вы – правда, флибустьер, как о вас говорил капитан Санчес?

Капитан молчал – он не знал, что ответить этому пирату, но и обманывать его почему-то тоже не хотелось. А пиратский капитан залихватски улыбнулся и заговорил сам.

– На «Гордом» очень беспокойно, – сообщил он. – Никто ничего не хочет делать. Все считают себя свободными людьми – зачем им драить палубу и чистить галюн? Порядок держится только на чёрных, бывших рабах – они ещё что-то делают, а остальные... Особенно квартирмейстер Дарк. Я ему говорю: это сделать – надо. А он, ухмыляясь, отвечает мне, что – не надо. И делает это нарочно, назло, он сам метит в капитаны! Я его когда-нибудь пристрелю!

И он опять залихватски улыбнулся, потом зло сплюнул на песок, по-простому утёр губы рукой, посмотрел на капитана тревожными глазами и, приблизившись, зашептал почти на ухо, доверительно:

– А вот когда меня сместят – вам станет, ой, как худо... Я уже сейчас с трудом объясняю своим парням, почему им не стоит напасть на вас прямо сейчас и с боем захватить Руку, «Принцессу» и вашу шхуну.

Капитана пробил озноб от этого тревожного, горячечного бормотания, но на лице его не дрогнул ни один мускул. Он небрежно ответил:

– Скажите им, что Рука надёжно охраняется и при малейшей опасности для шхуны сразу пойдёт на дно, к рыбам.

– Вот что-то такое я им и говорю, – пират сделал шаг назад и заговорил громко, прежним ухарским тоном. – Что не такой дурак капитан Веласко, чтобы всё не предусмотреть. Что надо ждать. Но с каждым днём мне всё труднее выполнять наше с вами соглашение.

И он улыбнулся невозможно горько, с видимым сожалением.

– Капитан Авила! – с жаром воскликнул капитан. – Я чувствую, что жизнь пирата – она не для вас. Переходите на мой корабль, я приму вас в свой экипаж!

– Кем? Простым матросом? – Капитан Авила презрительно скривился и исподлобья посмотрел на капитана.

– Да. Простым матросом, – ответил капитан, уже осознавая, что его предложение будет отвергнуто.

Пиратский капитан, казалось, задумался, но лишь на ничтожную долю мгновения, потом тряхнул головой, опять лихо ухмыльнулся и сказал:

– Нет! Я уже побыл матросом, хлебнул лиха. Уж лучше я пока покапитанствую. А там – будь, что будет.

Он напряжённо посмотрел на капитана, губы которого невольно растянулись в кривую улыбку.

– О, не думайте обо мне плохо! – вдруг вскричал пират, хватая капитана за руку и тут же отпуская. – Я нападаю на богатых и граблю у них то, что эти негодяи отняли у бедняков, прикрываясь своим мошенническим законом! Проклятие и кровь – на богатстве этих мерзавцев! Я...

Тут он запнулся, словно наткнувшись на что-то с разбегу, и замолчал, и стоял так, отвернувшись, какое-то время. Капитан не знал, что ответить этому пирату и огляделся по сторонам.

На берег уже потянулись первые матросы со шхуны с бочонками воды, они стали грузить их в шлюпку. Капитан подошёл к ним и приказал:

– Отвезёте воду – и назад. Дик – старшиной шлюпки.

Капитан и доктор Легг оттолкнули тяжёлую шлюпку от берега, и капитан ещё раз удивился необычному цвету здешнего песка, и ему вдруг на мгновение захотелось стянуть с себя мокрые сапоги и походить босиком по прибою, но вместо этого, скользнув взглядом по сидящей Дэниз и предостерегающе глянув на доктора, он опять пошёл к капитану Авила.

Вечером капитан, штурман Пендайс, Трелони и доктор Легг стояли на квартердеке и неспешно разговаривали. Доктор был удивительно задумчив, в беседе участия почти не принимал, а всё больше отворачивался и смотрел в море. Потом, улучив паузу в разговоре, он повернулся и сказал неожиданно и, как показалось штурману Пендайсу, совсем не к месту:

– Женщины – это божественное чудо, джентльмены.

Вздыхнув и прикрыв на миг мечтательно глаза, доктор продолжил с прежним пылом:

– Я более чем уверен, что когда-нибудь, в будущем, врачами будет установлен какой-нибудь замечательный факт... Ну, вроде того, что мужчины решают творческие задачи только одним полушарием мозга, а женщины – сразу двумя... Я даже более чем уверен в этом.

Доктор замолчал, и ему никто не посмел возразить.

На заре капитана разбудили звуки аврала, и он выбежал на палубу босой, на ходу заправляя рубашку.

– Парус на горизонте... В вестовом направлении, – доложил боцман Джонс и протянул ему подзорную трубу.

Но капитан не смотрел на парус.

– Где «Гордый»? – спросил он тревожно.

– С подветренного борта. Два-три румба от траверза⁸, – ответил боцман.

Капитан, отыскав «Гордый», стал следить за ним.

– «Гордый» помчался за парусом! – произнёс капитан через некоторое время.

– А мы, сэр? – спросил боцман.

– А мы и «Принцесса» должны идти за ним, на два узла медленнее, но не выпуская его из виду, – ответил капитан и добавил: – Просигнальте штурману на «Принцессу».

И «Архистар», до этого словно замершая в тяжёлом молчании, вдруг ожила: раздались пронзительные крики боцмана, матросы бросились по своим местам, поднялся гвалт. И до самого вечера «Архистар» и «Принцесса» догоняли пиратский бриг, преследовавший неизвестный парус, а капитан думал, что он не знает, чего больше ему хочется сейчас – чтобы бриг капитана Авила вернулся с добычей, захватив неизвестный корабль, или чтобы этого не случилось.

Когда стемнело, и на шхуне зажгли бортовые огни, капитан угрюмо сказал мистеру Трелони, поднявшемуся на квартердек:

– Если пираты упустят этот корабль – они будут злые.

– Не слышно, чтобы они его догнали, – ответил тот.

Сквайр поднял свою трубу, посмотрел в неё в сторону бортовых огней «Гордого» и опустил, уже ничего не увидев из-за темноты. Всю ночь вахтенный следил за огнями «Гордого», который вернулся к «Архистар» и «Принцессе». Все корабли легли в дрейф.

На утро с пиратского брига причалила шлюпка, и на борт шхуны поднялся хмурый и словно бы сонный пират. Боцман Джонс проводил его к капитану.

⁸ Траверз – направление на какой-либо предмет, перпендикулярное курсу корабля или к его диаметральной плоскости. В зависимости от положения предмета относительно корабля (с правого или левого борта) различают правый и левый траверз.

Приблизившись и как-то нехотя поклонившись капитану после секундного замешательства, пират пробормотал, с трудом подбирая слова:

– Эта... Капитан Авила зовёт... Вас на борт.

– Сеньор, – с нажимом подсказал боцман пирату.

Пират оглянулся на боцмана, облизал губы и повторил с неохотой, снова кланяясь капитану:

– Зовёт вас на борт, сеньор.

– Зачем? – спросил капитан.

Пират нагнулся, почесал ногу, зевнул во весь рот и, не выпрямляясь и не переставая чесать ногу, сказал:

– Эта... Он выбрал вас, эта... Исполнителем своей казни... Сегодня днём его казнят.

Поднявшись к пиратам на палубу «Гордого», капитан ещё раз повторил:

– Если я и мои матросы не вернёмся на шхуну через два часа – ваша Рука сразу пойдёт за борт... Что с капитаном Авила? Зачем он меня зовёт?

Пираты тяжело молчали. Они окружили капитана и Платона плотной толпой, почти прижав к борту. Среди них было много чернокожих и оливково-смуглых людей. И все они были вооружены и глядели озлобленно. Тут один из пиратов – здоровенный детина, возвышающийся за спинами остальных, сказал веско:

– Кодекс Робертса... Он нарушил кодекс Робертса, запрещающий драки на борту! На берегу стреляй – сколько влезет, но не на борту. А капитан Авила застрелил нашего квартирмейстера Дарка. За это ему полагается – смерть.

И он повернулся к грот-мачте. Пираты расступились, и капитан увидел капитана Авила, привязанного к колонне мачты. Кто-то маленький, оборванный и донельзя грязный, скаля в довольной улыбке редкие зубы, возился перед ним на карачках с верёвкой в руках по заплёванной, мусоренной палубе.

«Завязывает ему ноги потуже», – понял капитан и шагнул ближе. Тут он встретился с капитаном Авила глазами и не узнал его.

Глаза осуждённого капитана горели лихорадочным огнём, но сквозь это возбуждение уже проглядывало бессилие. Губы его кривились, словно он пытался, как всегда, залихватски улыбнуться, и в этой недоконченной улыбке капитану чудилось что-то жалкое, судорожное. Словно почувствовав, какое он сейчас производит впечатление, капитан Авила низко склонил голову и, не в силах закрыть лицо связанными руками, отвернул его в сторону.

Капитан, испугавшийся и этого взгляда, и этой улыбки, а главное – той перемене, которая произошла с капитаном Авила, сглотнул и спросил у него быстро:

– Что я могу для вас сделать?

Капитан Авила поднял голову, посмотрел на капитана, – что-то безумное словно сверкнуло в этом взгляде, – и отрицательно покачал головой. Капитан перевёл дыхание.

– Может быть, что-то передать вашим родным? Хотите написать им письмо? – не отставал он.

И вдруг у капитана Авила задёргался подбородок, лицо исказилось, и он зарыдал громко, навзрыд, словно в истерике. Это длилось всего лишь мгновение, и в следующий миг судорога уже перестала кривить его лицо, только глаза, полные непролитых слёз, смотрели просительно и жадно.

– Да-да, – заговорил он тревожно и несколько бессвязно. – Письмо лежит в моем рундуке... В рундуке. И адрес. Я знаю, вы сделаете это. Возьмите рундук прямо сейчас в моей каюте, прошу вас! Всё – моим родным! Отдайте, умоляю!

Два пирата, увешанные оружием и разодетые, как светские щёголы, тотчас же бросились в капитанскую каюту. Скоро они вынесли на палубу обитый медью рундук, и один из них закричал:

– А вот мы сперва глянем – а вдруг там денежки, а?

И ухмыльнулся нагло, сыто, отвратительно. Остальные, потрясая оружием, одобрительно засвистели и заулюлюкали.

– Там нет денег, посмотрите, – сказал капитан Авила и потянулся к ним шеей и головой. – Вот ключ! Возьмите на груди! В рундуке только письмо. Капитан Веласко – прочитайте его, вам можно. Прошу! Вы всё поймёте, вы благородный человек!

Какой-то пират, молчаливо и неподвижно стоящий до этого в орущей, беснующейся толпе, подскочил вдруг к капитану Авила и, жадно обшарив ворот его рубашки, распахнул её. На шее капитана Авила, на просмоленной верёвке, которую «молчаливый» пират, недолго думая, перерезал своим ножом, висел ключ.

Пираты раскрыли рундук и стали жадно в нём рыться. Наверх полетела какая-то одежда, треуголка с золотым галуном, обломок богатой шпаги, два квадранта, совсем новый шляпочный плащ, простая бобриковая шляпа – денег в рундуке не было, был только какой-то свиток, закрученный в клеёнку и прошитый по краю суровыми чёрными нитками. Пираты, на лицах которых было написано разочарование, недоумённо передавали свиток из рук в руки.

Увидев это, капитан Авила застонал и с отчаянием глянул на капитана.

– Отдайте письмо, – сказал капитан жёстко и сделал шаг вперёд.

Пираты отскочили, бросив свиток в растерзанный и раскрытый, как страшная пасть убитого зверя, рундук. Капитан подошёл к рундуку, нагнулся и взял свиток. Он убрал его к себе за пазуху и снова встал рядом с капитаном Авила.

Потом капитан слушал, как пираты долго и сладострастно выбирали своему предводителю вид казни. Все предлагали разное, сообразно своим наклонностям и влечениям, горячась и безбожно ругаясь. Они спорили, кричали, пытаясь перекричать один другого, и только пара человек были за то, чтобы просто повесить осуждённого капитана за шею на рее.

Особенно старался «молчаливый» пират.

– Залить ему глотку кипящей смолой! – кричал и кричал он в минуты относительной тишины, которые неожиданно наступали на палубе «Гордого», когда остальные вдруг умолкали, устав от крика.

У капитана по спине прошёл озноб. С трудом оторвавшись от озверелого в страшном азарте лица «молчаливого» пирата, капитан посмотрел на осуждённого. Капитан Авила облизал пересохшие губы. По лбу его градом тёк пот. Одна капля, большая и мутная, скатилась и повисла на кончике носа. И тут взгляд капитана Авила стал молящим. И такая мука, такое немое отчаяние было в этом взгляде, что капитан выхватил пистолет, приставил его к виску пиратского капитана и нажал на спусковой крючок.

Раздался выстрел. И сразу наступила тишина, и в этой тишине капитан сказал вмиг охрипшим голосом:

– Ему достаточно одной пули.

Пираты застыли, глядя на обмякшее, повисшее на верёвках, обезображенное тело своего бывшего вожака. Капитан достал второй пистолет, разряженный убрал за пояс и заговорил громко и властно, чтобы не дать пиратам опомниться:

– Я прошу выслать ко мне на «Принцессу» парламентёров для обсуждения условий передачи вам Руки! Дальше я пойду сам, без «Гордого»!

Он развернулся и шагнул с пистолетом прямо на толпу пиратов. Те шарахнулись от неожиданности в стороны, пропуская его.

Чувствуя спиной и затылком их взгляды, капитан на негнущихся ногах, – всё в нём сейчас словно одеревенело, и тело, и чувства, и мысли, – дошёл до Платона, стоящего у борта

со своими пистолетами наготове. Так же деревянно капитан спустился в шлюпку и до самой «Архистар» не произнёс ни слова. Он только тёр и тёр свою руку о штаны, а глаза его были пустые, мёртвые, незрячие.

Но поднявшись на квартердек, он сразу же вызвал к себе штурмана Пендайса, боцмана Джонса и Бена Ганта и о чём-то тихо стал договариваться с ними, кидая взгляды то на «Принцессу», то на бриг «Гордый». И по мере его слов лицо штурмана Пендайса становилось всё мрачнее и мрачнее.

В конце тот страшно нахмурился, даже побледнел под загаром, а его рука яростно затеребила серьгу в ухе.

Парламентёры причалили к «Принцессе» часа через два. Капитан их на борт не пустил и разговаривал с палубы.

– Я новый капитан «Гордого»! – крикнул ему кто-то из шлюпки, придерживая на голове широкополую шляпу, хотя за подветренным бортом полакра сильного ветра не было.

– Надолго ли? – пробормотал капитан и уже громко спросил: – Что скажете?

– Вы отдадите нам Руку завтра на рассвете, – крикнул пират.

– Нет! – прокричал ему капитан в ответ и отчеканил: – Я вручу её вам сегодня вечером. В шлюпке. При свежем ветре, который, не переставая, дует пока все последние дни... Это моё единственное, оно же и последнее для вас, условие.

Лицо пирата, который назвался новым капитаном, застыло, было видно, что он мучительно соображает и прикидывает что-то своё, хитрое. Наконец, он плотоядно ослабил и проговорил, как прокаркал, веско и угрожающе:

– Договорились!

– Отваливай, – скомандовал капитан.

Пираты в шлюпке оттолкнулись от борта «Принцессы» вёслами и багром, которым они цеплялись за неё, их рулевой с началом движения положил руль в сторону от борта корабля, и шлюпка отчалила.

– Сигнал к началу – закат солнца! – прокричал им вслед капитан.

Новый флибустьерский капитан взмахнул рукой в знак того, что он всё понял, и отвернулся.

Подождав, пока шлюпка отойдёт подальше, капитан повернулся к Платону и Бену Ганту и сказал:

– А теперь давайте продолжим – времени нет совсем.

Как только солнце стало садиться в море, Бен Гант, стоявший у борта «Принцессы», закричал:

– Капитан, от «Гордого» отвалила шлюпка!

Из кормовой надстройки появился Платон, сзади него с факелом в руках шёл капитан. Подойдя к борту и бросив факел в воду, капитан посмотрел с тревогой на «Архистар» и приказал всем спускаться в шлюпку. Сам он откинул люк трюма и достал Руку, по-прежнему заматанную в просмоленную парусину и привязанную теперь, без всякого почтения, к шлюпочному багру. Протянув багор с Рукой вниз, капитан спустился в шлюпку сам и приказал грести навстречу пиратам.

Шлюпки встретились на полпути между тремя кораблями – «Принцессой», «Гордым» и «Архистар», на которой, почему-то, стали тут же поднимать якорь: голоса матросов и шум от работы шпиля донеслись до обеих шлюпок, несмотря на ветер. Бен Гант и Платон сложили вёсла в шлюпку, развернулись на банках⁹ лицом к пиратской шлюпке, достали пистолеты и

⁹ Банки на шлюпке – перекладина, доска для сидения гребцов и пассажиров, а также для скрепления бортов, то же, что

направили их на пиратов. Капитан зацепился за пиратскую шлюпку багром с привязанной к нему Рукой, и шлюпки на мгновение встали нос к носу. Они бились друг о друга на волне, но тут пиратский капитан вцепился в Руку и потащил багор к себе. Капитан выпустил багор с Рукой. Шлюпки тут же начали отдаляться, качаясь.

– Вот вам ваша Рука, – сказал капитан и, бросив настороженный взгляд в сторону «Принцессы», добавил едко: – Проверьте, всё ли с нею в порядке.

Пират, явно ошеломлённый, стал быстро отвязывать свёрток с Рукой от багра, разматывать парусину, и скоро в нос капитану ударил знакомый тошнотворный запах, не спасало даже расстояние между шлюпками, которое медленно увеличивалось.

– И последнее! – закричал капитан и опять посмотрел на «Принцессу». – Я оставляю вам «Принцессу» с грузом – а это отличный корабль!

Тут все пираты, как по команде, повернули головы к полакру, на палубе которого происходило странное: от его кормы на нос ползли какие-то огненные всполохи и блики, ясно видные в наступающих сумерках.

– Это небольшой пожар! – крикнул капитан. – Но если вы поторопитесь, то успеете его потушить и сгорит совсем немного, только у фок-мачты. И даже груз будет цел.

А затем произошла ещё одна странность: шлюпка с «Архистар» вдруг резко дёрнулась и стала плавно, словно сама собою, поворачиваться вокруг своей оси. Из-под воды показался привязанный к носу шлюпки канат, усеянный грузами, который скоро натянулся, роняя капли воды, и шлюпка всё быстрее, колыхаясь на волнах, пошла за шхуной на этом буксире, который с каждой секундой всё укорачивался. Капитан, Платон и матрос Гант в это время, по одному и медленно, стараясь не перевернуть шлюпку и не выпустить из-под прицела пиратов, стали пересаживаться на своих банках спиной к движению. Шлюпку неудержимо тащило к «Архистар», но и сама «Архистар», на которой за это время успели поднять паруса, неудержимо стремилась прочь от «Гордого».

Лицо флибустьерского капитана вытянулось, рот чёрной щелью приоткрылся в отчаянии. С «Гордого» вдогонку «Архистар» ударила пушка. Ядро, не долетев до шхуны, упало в воду, подняв фонтан брызг.

– Куда, болваны! – заорал вскочивший со скамьи пиратский капитан и в ярости затряс кулаками. – Шлюпку спускайте, сволочи! Шлюпку! Скорей на «Принцессу»! Висельники!

Он стал указывать руками в сторону «Принцессы», но скоро понял, что на «Гордом» его никто не слышит, и приказал своим гребцам идти на «Принцессу», а на той продолжал разгораться пожар, но как-то медленно, словно нехотя. На бриге тоже, по всей видимости, что-то сообразили, потому что вскоре там спустили на воду вторую шлюпку, которая тоже устремилась к «Принцессе».

Когда капитан спрыгнул на палубу «Архистар», взволнованные сквайр и доктор Легг уже спешили к нему.

– Багор пропал! – в бешенстве выкрикнул капитан и быстро прошёл мимо них на квартердек.

Мистер Трелони и доктор, открыв рты, посмотрели ему в спину, а потом растерянно повернулись к Платону и Бену Гану, которым матросы помогали подняться на борт.

Скоро «Архистар», на которой в эту ночь не зажигали огней, поменяла курс и навсегда скрылась от «Гордого» в ночной темноте.

Глава 3. Любовь нельзя понять

Капитан очнулся на крошеве снега, красном от своей крови, чувствуя запёкшиеся её сгустки во рту и горле, и посмотрел кругом – вокруг был снег, один только снег.

Он попробовал ползти, и это ему удалось, хотя дышать было нечем, темнело в глазах, и что-то внутри у него рвалось при движении, но он полз, сплёвывая на снег кровавые ошметки, потому что твёрдо знал, что дальше ему обязательно встретится трава. И когда он дополз до травы, ещё свежей, зелёной, но уже источающей сладостный запах осенних яблок, горькой мокрой коры, багряных листьев, то лёг на неё щекой, закрыл глаза и заплакал...

Капитан проснулся, сел и огляделся в каюте, отдуваясь, моргая и вытирая обеими руками слёзы на лице. Ему было душно, нечисто и сумрачно настолько, что даже сердце щемило, а может, это просто ныла душа его, разможжённая... Через силу он встал и пошёл проверить вахтенных.

На утро капитан рассказывал штурману, как всё прошло вчера. В конце, криво ухмыльнувшись, он добавил:

– Теперь вы понимаете, мистер Пендайс... Руку капитана Санчес, как вы просили, спасти не удалось... Её пришлось отдать пиратам.

Штурман сдавленно застонал и по-бабьи всплеснул мощными ручищами.

– Ах, сэр, – пробормотал он огорчённо, зажмурившись, как кот, у которого улизнула из-под носа мышь. – Эта Рука нам бы самим так пригодилась. Когда нам ещё удастся раздобыть такую Руку.

Капитан посмотрел на штурмана и, ничего не ответив, опустил глаза. Штурман постоял ещё мгновение, моргая и расстроено глядя на капитана, и отошёл.

– Ах, какая была Рука, Амиго, – говорил он потом боцману Билли Джонсу, удручённо качая большой головой. – Чудо была, а не Рука... Её осталось только проявить на солнышке – и всех делов-то.

И боцман, который слушал штурмана, уставившись от внимания в пустоту и вытянув свои полные красные губы в беззвучном свисте, согласился с ним и горестно завздыхал:

– Да, шлюпки-на-волнах!.. Рука была, что надо, Джон.

А капитан в конце дня всё-таки заставил себя найти момент, который он так оттягивал и которого всеми силами своей души хотел избежать, и достал письмо капитана Авила. Стиснув зубы, он взял нож и стал вспарывать им нитки, стягивающие клеёнку. Раскрутив клеёнку, капитан взял письмо, разгладил его и стал читать... И не поверил своим глазам: в письме капитана Авила к своим родным ясно указывались координаты места, где тот зарыл все свои деньги, добытые разбойным промыслом за пять лет. А в конце были имена и адрес его родителей – старинный испанский город Авила недалеко от Мадрида.

– И какие координаты клада? Какого места? – спросил Трелони, когда капитан рассказал ему про письмо.

– Гавана... Недалеко от Гаваны на северо-западном побережье Кубы, – ответил капитан, вздохнув.

– Это по нашему курсу?

– В общем-то – да. Мы отклонимся совсем немного.

– Но прямо в лапы к испанцам.

– Место не в самой Гаванской бухте, а поблизости... Мы быстро – только туда и обратно, – сказал капитан и добавил, помолчав: – Мне кажется, я просто обязан это сделать для него.

Трелони глянул на капитана, отвёл глаза и согласился:

– Ну что же, я думаю, надо выполнить волю покойного, тем более, что отклонимся мы совсем на немного.

Город Гавана, дорогой читатель, находится на северо-западе острова Куба, на берегу Мексиканского залива, в живописном месте вблизи бухты Гавана и Сан-Лисаро.

Когда Христофор Колумб открыл эти земли, перед его глазами расстились слегка всхолмлённые, покрытые девственными лесами равнины, высились вершины карстовых гор, поросшие тропической зеленью, над головой носились диковинные птицы, а вокруг благоухали цветы. И мореплаватель со всем основанием назвал открытую сушу земным раем.

Испанские поселенцы основали Гавану в 1515 году в устье реки Альмендарес, потом город был немного перенесён по побережью. В конце XVI века Гавана уже стала административным центром испанской колонии острова Куба, получившему к тому времени статус генерал-капитанства. Через этот город в Испанию было переправлено золота, серебра и драгоценных камней на общую сумму в 200 миллионов дукатов. И город рос, несмотря на рейды всевозможных морских разбойников, бороздивших воды Карибского моря в поисках испанских галеонов.

Чтобы противостоять пиратскому террору и обезопасить порт от нападения, в городе был введён комендантский час, после наступления которого судам запрещалось покидать порт. Также были оснащены сторожевые корабли, мужчин обязывали носить оружие в любое время суток, и полным ходом шло строительство фортификационных сооружений.

Так что город к середине XVIII века превратился в мощный бастион: замок и две крепости охраняли вход в порт, и любой вражеский корабль оказывался под перекрёстным огнём крепостных пушек. Между двумя крепостями по дну пролива проходила тяжёлая цепь, которая на ночь натягивалась, а выстрел из пушки в 21 час означал, что городские ворота закрыты.

Помощь жителей города пиратам каралась смертью.

Вместе с мистером Трелони капитан ещё раз перечитал письмо капитана Авила к своим родным.

Клад был спрятан в пещере, путь к ней был хорошо описан, бухточку по описанию капитан тоже рассчитывал найти без труда – совсем простое дело. И капитан сказал, что в пещеру он намерен идти один, взяв с собой только Платона.

– Я – быстро, – объяснил он своё решение. – А осложнений никаких не предвидится. Мне гораздо важнее, чтобы все оставались на корабле и были готовы в минуту опасности сразу уйти отсюда.

Все стояли уже на палубе, когда штурман Пендайс попытался остановить капитана.

– Сэр... Что-то мне не нравится сегодняшняя погода, – начал, было, говорить он.

– Я – быстро, мистер Пендайс, – перебил его капитан.

Он нетерпеливо посматривал на берег и старался не встречаться ни с кем глазами, словно какая-то стыдная мысль терзала его. Всегда чуткий Трелони понял, что капитан мучается после смерти капитана Авила, и у него заныло сердце от того, что он ничем не может капитану помочь.

– Дэниэл, возьмите хотя бы свой испанский плащ. В пещере может быть холодно, – с мягкой настойчивостью произнёс сквайр.

Капитан скривился. С некоторых пор ему перестала нравиться испанская одежда, но посмотрев в беспокойные глаза сквайра, он согласно кивнул. Платон сбегал за плащом, который капитан бросил на дно шлюпки.

На вёслах они с Платоном добрались до берега, пологого и низкого, выбрались на него без происшествий, затащили шлюпку дальше от воды и, перевернув, спрятали в кустах. Пещеру они нашли тоже без труда, как и было описано в письме – сразу над сухим руслом подземного стока, вытекающего из-под скалы во время обильных тропических дождей.

Перед входом в пещеру Платон достал из-за пояса огниво, и капитан через минуту зажёл небольшой факел. Нагнувшись, они один за другим протиснулись в лаз, пролезли в постепенно расширяющийся ход и обомлели – перед их глазами открылся вход в зал, уставленный причудливыми известковыми колоннами. Они свисали сверху, как длинные тонкие сосульки, и вырастали снизу, как острые зубы огромного чудовища, некоторые срастались в середине, колонн было много, и дальние терялись в темноте.

Подняв высоко факел, капитан осмотрелся, потом посветил себе под ноги и, взяв Платона за руку, повёл его, вспоминая неровные строчки в письме капитана Авила. Он обходил колонны, светя вверх и вниз, поворачивал в какие-то ходы – он знал из письма, что идти им недалеко. Потом Платон вскрикнул, капитан обернулся – и ахнул тоже.

Позади них, там, где они только что проходили, все колонны светились, и ясно был виден купол пещеры. Светилось всё вокруг – и своды, и стены, и верхние сосульки, и нижние – всё было окутано сверкающим зеленовато-серебристым неярким светом. Сияло всё, но только одно мгновение, и тут же сияние расплывалось, таяло и гасло на глазах.

Капитан пошёл дальше и вошёл в ещё один высокий зал. Он был с красными стенами, и эти стены были самой природой украшены причудливой окаменевшей растительной резьбой, то грубой и неуклюжей, то изящной и тонкой, а справа темнела пропасть, впереди виднелась гора каких-то сверкающих кристаллов, и где-то шумела вода. Только рундука капитана Авила не было видно. Факел в руках капитана стал прогорать. Повозившись с огнивом, они зажгли новый факел.

И тогда капитан сказал:

– Кажется, мы заблудились.

Он бросился назад, уже не глядя по сторонам. Платон двинулся за ним. Скоро капитан остановился и оглянулся на Платона в оторопи.

– Когда мы вошли, то первый раз свернули направо, – пробормотал он, вспоминая.

– Нет, мы свернули налево, – поправил его Платон.

– Направо, – настаивая, сказал капитан. – Нам надо было свернуть направо. Я не мог ошибиться.

Он бросился дальше.

– Мы свернули налево, – сказал Платон ему в спину. – А направо мы свернули потом.

– А потом? – спросил капитан. – Куда мы потом свернули?

Он остановился, опустил факел, и посмотрел на Платона. Тот молча, с недоумением глядел на него: казалось, Платон что-то не понимал сейчас. Было тихо, где-то шумела вода, потрескивал факел, который тоже начинал прогорать.

– Я не знаю, куда идти, – вдруг бессильно выговорил капитан. – Я не знаю, где выход.

– Выход там, – ответил Платон удивлённо.

Он взял факел из рук капитана и быстро пошёл в том направлении, которое сейчас показал. Скоро они пришли в зал со светящимися колоннами. Подведя капитана к отверстию наружу, – у капитана всё опустилось внутри от облегчения, – Платон сказал:

– Выход – здесь.

Капитан стал холодными пальцами зажигать новый факел.

Теперь впереди шёл Платон, капитан пробирался за ним, говоря ему строчки из письма капитана Авила. Идти, и правда, было не далеко. Рундук стоял совсем рядом со входом – небольшой, обитый медными листами, основательный матросский рундук. Капитан открыл его – рундук был не заперт – и присвистнул. Внутри лежали перемешанные монеты самых разных размеров, чеканок и государств: дублоны, луидоры, гинеи и пиастры и ещё какие-то монеты, принадлежность и стоимость которых капитан не мог сейчас определить. В основном – серебро, золота было меньше.

Капитан захлопнул крышку рундука и сказал:

– А теперь – пойдём скорее. Не останусь я в этой пещере больше ни на минуту.

Они подняли рундук за ручки и понесли к выходу. Потом Платон понёс рундук один – среди колонн так было удобнее.

Когда капитан вылез из пещеры, в лицо ему с силой ударил режущий ветер.

– Да тут буря! – крикнул он вылезавшему с рундуком Платону. – Мы слишком долго блуждали по пещере! Затаскивай рундук назад.

Платон опять скрылся в дыре. Капитан огляделся: море, ещё недавно тихое и спокойное, теперь катило валами, взмётывая целые горы воды и кидая их на берег ревущими стремнинами. Самое странное во всём этом было то, что в небе не было той мрачности, которой обычно сопровождается буря: шапки немыслимо белой, сверкающей пены летели над водой в солнечном блеске, и над этим мятущимся морем и трепещущей листвьями суши с невероятным напором и гулом нёсся и нёсся ветер. И нигде не было видно «Архистар», сколько капитан не вглядывался в горизонт.

«Вот и бери женщин на борт в следующий раз», – мрачно подумал он и опять полез в пещеру. Там он сел на рундук и, поглядывая на светлый лаз наружу, стал думать. Думал он недолго, скоро ухмыльнулся и сказал возмущённо:

– Сидим голодные на рундуке с деньгами!

И помолчав, добавил:

– Надеюсь, что Пендайс благополучно увёл шхуну от бури и скоро за нами вернётся. Что же? Надо идти в город. Поедим чего-нибудь... И посмотрим заодно.

– К испанцам? – спросил Платон.

– Ну, а мы сейчас сами с тобой испанцами сделаемся, – ответил ему капитан и поправился. – То есть, я – испанцем, а ты – со мной.

Он встал, зачерпнул из рундука горсть денег, выбрал из них испанские, бросив назад остальные, заложил деньги в пояс, золотые отдельно от серебра, и поманил Платона за собой.

Снаружи буря вроде даже усилилась: с высоких королевских пальм на берегу рвало, дёргало и тянуло листву ещё яростнее. Пригибаясь под ветром, капитан и Платон стали разыскивать свою шляпку среди беснующихся кустов. Найдя её и перевернув, капитан взял свой чёрный испанский плащ, постоял, задумчиво глядя на шляпку, потом пошарил в ней и вытащил свёрток. Развернув его, он обрадованно сказал:

– Ага, отлично! Платок нашего боцмана... То есть, теперь уже пиратский флаг с линиями¹⁰. Боцман, наверняка, тут спрятал его с глаз долой. Лучше бы он еды положил.

Затем капитан в относительно спокойном месте за камнями обрезал ножом линии, туго, по самые белёсые брови, повязал платок боцмана, тщательно спрятал под него светлые волосы, натянул плотнее на голову шляпу Платона и накинул на себя плащ, придерживая его на рвущемся ветру.

– Вот теперь я в шляпе, в платке, а под плащом не видно пистолетов... Такой смуглый моряк с седой щетиной.

Он улыбнулся. Платон, который всё это время внимательно смотрел на капитана, вдруг сказал коротко:

– Глаза.

Капитан даже крикнул от огорчения, скривился и задумался.

– А я буду испанцем с голубыми глазами! – нашёлся он тут же. – Бывают же голубоглазые и светлые испанцы? Ну, там из Наварры, например.

Платон молча смотрел на капитана.

– Да, ты прав, – тут же согласился тот, помрачнев. – Тогда мне всем придётся объяснять, как в Пуэрто-Плата, что я наваррец.

¹⁰ Линь – тонкий трос, выделанный, как правило, из особо качественной пеньки.

Он задумался и опять воскликнул:

– А я буду слепым испанцем!

Капитан, явно обрадованный этой идеей, несколько раз закрыл и открыл глаза, по-разному надевая шляпу, натягивая платок и откидывая голову с закрытыми глазами назад.

– Если вот так откидывать голову и чуть приоткрывать веки, то можно что-нибудь увидеть, – сказал он. – Теперь мне надо выломать палку.

Когда палка была выломана, капитан несколько раз взмахнул ею, примериваясь.

– Ну вот. Слепой испанец с поводырём-рабом пришёл в город, – сказал капитан.

Тут он замолчал, с сомнением уставился на Платона и сказал озабоченно:

– Только вот ты у меня.

– А что – я? – отозвался Платон и улыбнулся.

– А то, что ты у меня уж слишком великолепен. И высок, и силен, да ещё и лицо умное. Такой раб любому нужен. Как бы мне из-за тебя не пришлось драться.

Капитан, задумчиво склонив голову набок, оглядел Платона внимательно и, наконец, спросил:

– Ты не мог бы ссутулиться и сделать лицо поглупее?

– Что? – удивлённо переспросил тот.

– Вот-вот, именно так. Как будто ты чего-то не понимаешь всё время, – подтвердил капитан и добавил: – И не смей улыбаться, не на прогулку идём. Ох, чую, будут у меня из-за тебя неприятности.

Потом капитан сорвал с рвущихся на ветру веток пучок листьев и написал на скамейке шляпки большое зелёное слово «ждите». Перевернув с Платоном шляпку опять вверх дном и затолкав её в кусты, он сказал со вздохом:

– Пошли, Платон, буря не скоро кончится. Главное, чтобы нас не приняли за лазутчиков-пиратов, а то вздёрнут на месте. Видишь ли, почему-то пиратами становятся, как нарочно, в основном одни англичане.

Капитан встал рядом с Платоном и взялся за его правый локоть, и они пошли, пригибаясь под ревущим ветром, стараясь приноровиться к шагу друг друга, и скоро это у них получилось, и они наткнулись на дорогу в город, и всё время, пока они шли, капитан учил Платона испанским словам, которые Платон повторял и повторял за ним, грустно вспоминая недавние уроки английского языка доктора Легга.

Скоро на дороге им стали попадаться другие путники, верховые и повозки, которые тоже стремились в город в поисках заработка, наживы или по другим каким делам.

На дороге стало шумно илюдно, и это было хорошо, потому что капитан и Платон быстро затерялись в толпе таких же моряков, крестьян и бродяг, увечных и нищих, спешащих укрыться от ветра за стенами города.

Въезд и вход в Гавану со стороны суши охранялся не так тщательно, как с моря. В скором времени капитан и Платон прошли через заставу, и звучное многоголосие большого города, его говора, пения, смеха, особо непривычное после палубного однообразия, охватило их, впитало в себя и поглотило без остатка.

Пройдя немного, Платон, как было с ним договорено, остановился перед кем-то из местных жителей, и капитан произнёс страдальческим голосом свою давно уже заготовленную фразу:

– Друзья, скажите несчастному испанскому матросу, потерявшему свои иллюминаторы в битве с эскадрой проклятого англичанина контр-адмирала Дэвида Митчела... Где он может потратить свою последнюю монету, чтобы поесть?

– Это женщины, – шепнул Платон, нагнувшись к самому его уху.

Капитан неловко поклонился, поводит головой из стороны в сторону и, постучав палкой по земле, сказал:

– О, простите сеньоры, а может быть, сеньориты! Где мы можем найти таверну?

Женщины наперебой стали объяснять Платону, куда надо идти: все показывали разные направления. Они заспорили между собой, размахивая руками, потом стали отталкивать друг друга в плечи и опять показывать в разные стороны. Платон, потянув за собой капитана, медленно пошёл прочь, оглядываясь по сторонам. Через пару шагов он обернулся на женщин, которые продолжали что-то яростно кричать друг другу, и прошептал:

– Одна сеньорита идёт за нами.

«Чёрт, что ей надо?» – подумал капитан и застучал палкой быстрее, прибавив шаг, у него даже пальцы руки, держащейся за локоть Платона, свело судорогой. Но девушка всё же обогнала их и вдруг сунула монету в правую руку капитана между его пальцами, державшими палку.

– Возьмите вот. Прошу вас, – сказала она.

От неожиданности выронив палку, капитан сжал монету и быстро стал стаскивать шляпу. Прижав шляпу к груди, он скованно поклонился и сказал тихо и медленно, чтобы не сбиться ненароком на английский:

– О, сеньорита, вы очень добры.

И тут же сам понял, что получилось слишком уж жалко, словно он совсем умирает от голода.

Девушка произнесла дрожащим голосом:

– Я покажу вам, где ближайшая таверна, сеньор. Там вы со своим рабом сможете недорого поесть.

Платон поднял палку, отдал капитану и повёл его за девушкой.

Таверна оказалась действительно недалеко. Капитан, который время от времени откидывал назад голову, чтобы посмотреть кругом, прочитал вывеску. Таверна называлась «Добрый Франциск», и перед её входом была ступенька. Капитан опять опустил глаза, нащупал палкой ступеньку и приготовился, было, взойти за Платоном, как девушка подскочила к нему и, взяв двумя руками под локоть, бережно ввела его в таверну. Платон, несколько оторопев, пошёл сзади.

В этой таверне, как и во всякой другой таверне любой точки мира в это время суток, было полно мужчин, которые сидели за столами, шумно разговаривали между собой под стук игральных костей, пили, курили и ели. На Платона и капитана пахнуло густым запахом мужских тел, сладкого рома и, конечно же, гаванского табака. Курили многие, если не все – откусывали кончик своей «табакос» зубами, сплёвывали его на пол и раскуривали сигару на свече, стоявшей на каждом столе.

Платон поискал глазами самый неприметный уголок зала, но девушка быстро повела капитана через зал. Пройдя патио¹¹, где по случаю бури никого не было, и где ветер продолжал рвать верхушки пальм, она привела их в комнату, похожую на сарай. А, впрочем, тут стоял стол и две лавки, и были окна, сейчас закрытые ставнями.

– Это – задняя комната, – сказала девушка. – Здесь вы можете спокойно поесть, и вашего раба не прогонят. Хозяин таверны – мой дядя. Сейчас я вам принесу лучшую его еду.

Капитан снял шляпу, оставив плащ на себе, и осмотрелся, как мог, через полуприкрытые веки. Их окружали стены, сложенные из известняковых блоков, в углу он заметил гору сваленного лука, да тут и пахло луком, и какие-то смутные воспоминания, расплывчатые образы стали тут же возникать, тесниться в его голове.

¹¹ Патио (исп.) – внутренний двор здания и Испании и в других испаноговорящих странах.

Девушка принесла им воды для умывания, ветчины, варёного петуха с рисом и обилием красного перца, потом гаспачо – салат из перца и, конечно же, хлеба. Капитан и Платон стали есть: Платон подкладывал капитану в руку лучшие куски и наливал ему вина. Все кушанья были очень острые, и, если бы не бурдюк с монтильским вином, которое оказалось превосходным, капитану с непривычки пришлось бы худо.

– У вас очень вкусный хлеб, сеньорита, – сказал капитан, когда девушка опять приблизилась к столу. – Очень ароматный.

– Это наш касаве – деревенский хлеб. Он выпекается с добавлением юкки, который напоминает по вкусу картофель, – ответила девушка охотно и опять отошла.

Спустя какое-то время капитан сказал, склонившись к столу:

– Мы здесь как в ловушке... Мы не успеем прочесть «pater» и «ave»¹², как нас сцапают.

– Что делать? – спросил Платон, почти не двигая губами.

– Удирать. Где она?

– Сидит возле входа.

– Что делает?

– Смотрит на вас во все глаза, – ответил Платон.

При этих словах капитан выронил кружку с вином. От неловкости он заулыбался, отдернул руку и опустил её под стол.

– А теперь она смотрит на вас и плачет, – сказал Платон.

– Чёрт! Чёрт! – зашипел капитан одними губами.

– Тихо, она идёт сюда, – остановил его Платон.

Девушка подошла и стала тряпкой вытирать вино на столе, поглядывая на капитана. Тот сидел, не смея шевельнуться, и улыбался тихой, кроткой улыбкой. Потом сказал:

– О, сеньорита, не отведёте ли вы меня в лавку?

– Охотно, сеньор, – ответила девушка и заулыбалась. – А что вам надо купить, сеньор?

– Мне надо купить подарок моей невесте, – сказал он и опустил голову.

Какое-то время девушка молчала, потом спросила сдавленно, уже без улыбки:

– Что вы хотите ей купить?

– Серебряный образец и... Может быть, мантилью? – ответил капитан и попросил: – Помогите мне выбрать.

– Самые лучшие кружевные мантильи продаются у лавочника Эскудеро, – сказала девушка безжизненным голосом, потом она снова стала вытирать вино, хотя стол был давно чист.

Капитан, с напряжением подглядывая за её рукой, готов был сквозь землю провалиться, но он поднялся и стал шарить по лавке в поисках своей шляпы. Платон подал ему её. Девушка вышла из комнаты. Капитан надел шляпу, достал из-за пояса немного серебра и положил на стол. Чувство бесконечного отвращения к себе уже начинало давить и мучить его, он не знал, куда деваться от стыда и готов был сбежать немедленно, но ощущение опасности удерживало его.

На улице темнело, но лавки ещё были не заперты, и скоро они пришли в лавочку Эскудеро. Девушка, поговорив с хозяином, выбрала для капитана образец с девой Марией, а ещё мантилью из чёрных кружев и черепаховый гребень. Завернув всё это в простое полотно, она подала узел Платону. На капитана она не глядела. Капитан расплатился с лавочником, достал ещё монету и протянул её перед собой со словами:

– А это вам, милая сеньорита. Вы мне очень помогли.

Девушка, не глядя на монету в своей руке, быстро ушла, протистившись.

¹² «Pater» и «Ave» – католические молитвы «Отче наш» и «Богородица».

Спустя минуту, из дверей вышли и капитан с Платоном. Капитан узнал у хозяина лавки, где находится недорогая приличная вента¹³, и они пошли искать её. Из какого-то подвала на их пути, видимо из таверны, потому что снизу доносились звуки дудки, барабана и маракасов, выходили двое пьяных, они, ругаясь друг на друга и держась в обнимку, стали выбираться по лестнице на улицу. Капитан и Платон подождали, когда пьяные уйдут с дороги. На улице скоро совсем стемнело, прохожих было мало, и капитан открыл глаза, не забывая держаться за руку Платона и стучать палкой.

Только через десяток шагов он перестал стучать и начал прислушиваться: ему показалось, что за ними кто-то идёт. Капитан предупреждающе сжал руку Платона и остановился. Платон тоже замер на месте.

«Ну, конечно, идут, двое», – подумал капитан и рванул с места, быстро потянув за собой Платона, а когда увидел переулок, он впихнул туда Платона и прижался вместе с ним к стене.

Скоро мимо них в темноте узкой улочки пробежали два человека. Платон с капитаном быстро пошли дальше по вонючему и скользкому переулку, намереваясь скрыться от преследователей на соседней улице, но переулок только сужался и темнел, путаясь и кривляясь, а выхода из него всё не было. Наконец, переулок, словно в насмешку, сделал поворот, и капитан с Платоном чуть ли не носом уткнулись в стену – ровную стену из больших каменных блоков.

– Да чтоб тебя!.. Надо выбираться отсюда, – зло зашипел капитан и повернул назад.

Они опять дошли до выхода на узкую улочку, и капитан осторожно высунул голову за угол. Он увидел в свете неясной луны две тёмные фигуры, которые, возвращаясь, быстро приближались к ним. Бежать было поздно. Капитан положил свою палку на землю, достал нож, раскрыл его и посмотрел на Платона – Платон уже стоял с ножом в руке. Капитан сделал шаг из темноты узкого переулочка. Идущий первым мужчина сказал ему:

– А... Слепец. Так это ты морочишь головы глупеньким девушкам?

– Я здесь... Иди ко мне, – сказал капитан и попятился по улице, выманивая своего противника на себя, чтобы оставить место для манёвра Платону.

Когда противник капитана бросился к нему, из переулочка вышел Платон и преградил дорогу второму нападающему. И тут капитан весь сосредоточился на своём противнике.

Противник его, рослый гибкий испанец, согнулся пополам, как хищник, готовый броситься на свою добычу. В левой руке он держал шляпу, чтобы отражать удары, в правой руке был зажат нож, выставленный вперёд андалузским приёмом. Капитан встал лицом к нему: левая рука вверх, левая нога вперёд, нож у правого бедра. Сердце его, заколотившееся сначала, теперь замерло, успокоилось. Он почувствовал себя сильнее самого могучего великана. Нападающий бросился на него.

Капитан повернулся на левой ноге и резко шагнул в сторону, и испанец наткнулся на пустоту и на нож капитана, который вошёл ему в подбородок. Капитан повернул нож и, выдернув его, отпрыгнул. Из раны испанца бурно хлынула кровь свистящим, чёрным потоком. Он рухнул и больше уже не двигался. С ним было кончено. Капитан обернулся.

Платон в это время уклонялся от быстрых ударов, но его противник, увидев, что против него теперь двое, отпрыгнул назад и метнулся бежать. Капитан и Платон его не преследовали. Наоборот, они побежали в противоположный конец улицы, не забыв спрятать ножи и взять с земли палку. Добежав до давешней таверны с дудками и маракасами, они, переждав немного, чтобы утихло сбитое дыхание, вошли туда, и спросили у хозяина дорогу к ближайшей недорогой венте. В ней они и заночевали, обессиленные и оглушённые, на каких-то шкурах, сваленных на каменном полу, мучимые тревожными мыслями и клопами...

Под утро капитану приснился сон: он, одетый в красный жилет поверх кирасы, тяжело бежал к открытым воротам алжирской крепости в первых рядах таких же воинов в чёрных

¹³ Вента – постоялый двор, гостиница.

плащах с белым крестом на левом плече. Ливень бил его, ослепляя, холодными струями по лицу, злой северный ветер сыпал градом и мешал бежать, путая его мокрый, липкий плащ в усталых ногах. Мушкет свой с промокшим в нём порохом он давно уже бросил в палатке, которую тут же смело ураганом, и сейчас в его руках был меч, простой и надёжный.

Он бежал из последних сил почему-то уже один, спотыкался, падал, вставал, задыхаясь: бежать было трудно, ноги скользили в страшном месиве грязи. У него не было слёз – их смыл ливень, и не было мыслей – все мысли исчезли, осталось только отчаяние, а мощные створки ворот уже стали сходить медленно, неотвратно, и он понимал, видел, чувствовал всем сердцем, всей душой, что в город ему не попасть. Он яростно вскрикнул, рванулся вперёд и всадил в уже запертые ворота наваху, зажатую в правой руке. Потом застонал, сполз по воротам в бессилии и проснулся...

На следующее утро уже ничего, казалось, не напоминало им о ночном бое. Буря стихала и к вечеру могла совсем успокоиться. Вставало солнце, и они осмотрели одежду друг друга – пятен крови не было видно. Осталось купить съестного, побродить по городу и идти быстрее в обратный путь, хотя и смущала мысль о вчерашнем нападающем, который сумел удрать.

Капитан надел свою шляпу, приготовил палку и взялся за локоть Платона. Они выбрались на крыльцо, и тут Платон, застыв на месте, прошептал ему:

– Нас поджидает вчерашняя мисс.

– Вы ошиблись, – сказала девушка жалобно. – Вы мне дали вчера золотой в два пиастра. Это очень много.

– Как вы нашли нас? – спросил капитан, мысленно проклиная себя за опасную чувствительность.

– Я спросила у дяди, – ответила девушка. – Дядя Пепе знает всё, что происходит в Гаване. Капитан про себя чертыхнулся... «Бежать, бежать, – подумал он. – В пещере спокойнее!»

– Да, милая сеньорита, я ошибся, – сказал он тихо. – Но пусть этот золотой останется у вас, на память.

– Куда вы сейчас пойдёте? – спросила она, в её голосе слышалось страдание.

– В любую съестную лавку, купить что-нибудь в дорогу, – ответил капитан и стал нащупывать палкой ступеньку вниз.

– Вы не выберетесь из города, – сказала она вдруг.

Капитан замер, как вкопанный.

Вчерашняя буря почти улеглась. На улице уже начиналось движение: крестьяне везли на рыночную площадь съестные припасы на тележках, тут и там раздавались взрывы их громкого говора, смеха, в доме напротив со стуком распахивались ставни одни за другими, слышались голоса – это соседи из своих окон здоровались друг с другом. Всё это капитан осознал в одну секунду. Столько же понадобилось ему на то, чтобы спросить:

– Почему?

– Потому что дон Гарсия, отец убитого этой ночью Антонио, караулит убийцу своего сына на старой заставе у городских ворот. Алехандро, который вчера убежал, говорит, что убийц было двое, и он сумеет их опознать, – быстро проговорила девушка.

Капитан молчал, глаза его были закрыты, несмотря на тот холод и трепет, которым пронзило всё тело. Тут откуда-то резко запахло апельсинами. Через мгновение он услышал стук колёс... «Апельсины повезли на рынок», – почему-то с горечью подумал капитан и сделал шаг вниз со ступеньки. Руки девушки подхватили его под локоть.

– Я помогу вам бежать, сеньор, – горячо зашептала она и тут же добавила. – Клянусь Пресвятой Девой!..

И поцеловала свой палец, а любой испанец знает, как это увеличивает силу клятвы. Только капитан этого не увидел. Он опустил голову в мучительном раздумье.

– Они первые напали на нас, – выговорил он, наконец. – Мы только защищались.

– Я знаю. Алехандро рассказал про это, – ответила девушка, и капитану показалось, что то, кто на кого напал первым, ей было совершенно безразлично.

Она бережно потянула его за собой. Платон пошёл следом.

Перед порогом, прежде чем войти, она сбросила туфли и ввела капитана за собой. Платон шагнул в комнату следом за ними.

– Посидите здесь, – сказала она. – Дядя Пепе вот-вот приедет с рынка. А я пока соберу вам поесть в дорогу, а ещё...

И она заметалась по комнате в поисках чего-то важного, так необходимого ей в эту минуту. Охнула, словно вспомнив, всплеснула руками и выбежала. Звуки её босых ног раздались по каменным плитам пола в галерее и стихли. Капитан и Платон сидели и прислушивались, не глядя друг на друга. Скоро девушка вернулась с узелком в руках и приблизилась к капитану. Он встал.

Тут к ним вошёл мужчина.

– Что, дядя? – спросила она, оборачиваясь к двери.

– Сейчас мы отправимся. Пока через заставу проходит много народа, нам легче затеряться! – обнадёжил он капитана, с напряжением глянул на девушку и вышел.

Она опять повернулась к капитану. Он чувствовал её волнение, оно передалось его беспокойной, страдающей душе. Где-то в доме хлопали двери, звучали голоса. Начинался день, и в таверну пришли повара и слуги, они разговаривали, окликали друг друга, здороваясь и вознося хвалу Всевышнему за новый день.

«Возвращаться – плохая примета», – почему-то с горечью подумал капитан, и неясные воспоминания стали опять всплывать в его сознании. Какие-то перезрелые, почти коричневые вишни качались под ветром среди зелени листьев, и в их беспокойном качании казалось что-то невыносимо обречённое, словно он ясно понимал, что вишням неизбежно суждено осыпаться, и в этой невыносимой утрате стыла безнадежность тёмного речного омута. Воспоминания захлёстывали его, они путались в голове, как любопытное домашнее животное под ногами, которое мешается не ко времени и на которое страшно наступить ненароком, и он, тряхнув головой, отогнал их, как совсем ненужные сейчас.

– Я тебя никогда не забуду, – вдруг выговорила она.

– Вы меня никогда больше не увидите, сеньорита! – напомнил он, хотел улыбнуться, но улыбка скомкалась на его губах.

– Детка, выходите! Нам надо торопиться! – Раздалось со двора через открытое окно.

– Мы уже идём, дядя! – крикнула она в ответ и бросилась к туфлям: в её голосе капитану послышались слёзы.

Туфли оказались раскиданы по полу. Она схватила ближний, стала лихорадочно надевать его, морщась от нетерпения и поглядывая в окно. На босую ногу туфель надевался плохо.

– Детка, становится опасно! – опять позвали со двора.

– Мы идём! – крикнула она, отшвырнула ногой бесполезный туфель, подхватила узелок и выговорила капитану с отчаянием: – Пойдёмте!

Она первая пошла по галерее, не оборачиваясь, и босая вышла на замусоренный задний двор. Здесь уже всю работу делали рабы и слуги, чернокожие женщины, стоя под лохматой пальмой, толкли что-то высокими и тяжёлыми пестами. Многие заинтересованно оглядывались на них. Девушка протянула узелок Платону и покосилась на повозку с возницей. Возница не глядел в их сторону, но вожжи были у него в руках, он нетерпеливо перебирал ими, готовый отъехать. И тогда она бросилась к капитану. Платон шагнул к ним и отвернулся, загородив этих двоих от всего мира своей широкой спиной.

Девушка положила ладони капитану на грудь. Тот снял шляпу и откинул голову, по-прежнему всматриваясь в её лицо сквозь густые ресницы.

– Я тебя никогда не забуду, – повторила она опять, как заклинание.

– Я буду вас помнить, сеньорита, – отозвался он.

Она встала на носки и потянулась к нему губами для поцелуя. И капитан нагнулся, обнял её, одной рукой прижимая к себе, и поцеловал. Где-то на улице нетерпеливо заржала лошадь. Молодой мужской голос стал успокаивать её.

Когда капитан и Платон разместились в повозке и отъехали, босая и плачущая девушка какое-то время шла рядом.

Отстала она только после того, как возница тихо сказал ей, что она привлекает к ним внимание всей улицы.

Дядя Пепе, хозяин таверны «Добрый Франциск», вывез капитана и Платона из Гаваны на своей повозке.

Остановившись на дороге в безлюдном месте, он выпустил своих «пассажиров» из тайника и угостил капитана сигарой, а в Испании, как в Старом Свете, так и в Новом, угощение сигарой устанавливает между людьми особые отношения товарищества и гостеприимства, подобно предложению хлеба и соли на Востоке.

Когда дядя Пепе стал отъезжать, капитан крикнул ему, сняв шляпу и чуть приоткрыв веки, чтобы видеть:

– Как зовут вашу племянницу!

– Аврора, – бросил тот через плечо.

Капитан улыбнулся. Потом улыбка его медленно погасла. Он вскинулся, придушенно вскрикнул, открыл удивительно встревоженные глаза и бросился догонять повозку. Дядя Пепе остановил волов и вопросительно посмотрел на капитана. Казалось, что он несколько не удивлён превращением слепого моряка в зрячего. Несколько секунд капитан молчал, словно собираясь с мыслями, потом спросил:

– А скажите, сеньор, вы ничего не слышали про «золотой груз», который должен был прийти в Гавану? Груз с приисков Сан-Доминго?

Дядя Пепе ответил не сразу, потом сдвинул на затылок свою шляпу и медленно проговорил:

– Да, три корабля коммодора Гранта. Груз с приисков Сан-Доминго, где управляющим – дон Франсиско Барреро. Груз должен был прийти в Гавану несколько дней назад... Но не пришёл.

– А вы не знаете названия кораблей? – спросил капитан и затаил дыхание, ожидая ответа.

– «Принцесса», «Гордый» и «Архистар», – сказал дядя Пепе и шевельнул вожжами.

Повозка опять тронулась, и он бросил через плечо:

– И я не советовал бы этим кораблям появляться в испанских владениях.

Капитан долго стоял и смотрел вслед повозке, собираясь с мыслями.

Он думал о том, что любовь, особенно любовь с первого взгляда, нельзя понять и измерить, ещё ему вспоминалось, как больно было смотреть из повозки на необутые ноги сеньориты Авроры, торопливо идущей за ними по уличной грязи. Ещё он думал, что «Архистар» надо скорее уводить из испанских вод. Но ему даже во сне представиться не могло, что из-за этого контрабандного золота они все попадут в такую переделку, что избежать смерти им поможет только чудо, посланное с небес на землю.

Потом он и Платон, который нёс небольшую поклажу с едой, заботливо собранную сеньоритой Авророй в дорогу, добрались до пещеры и спрятались в ней. Ждали они до вечера, а вечером, когда буря совсем улеглась, капитан, который беспрестанно, томимый нетерпением, выхо-

дил на берег, увидел в море «Архистар». В шлюпке, в которой стоял теперь рундук с деньгами капитана Авила, они добрались до шхуны.

Доктор Легг и мистер Трелони встречали капитана и Платона на палубе. Капитан был хмур и чем-то расстроен, и его голубые глаза превратились в серые, неприметные. Платон молчал и совсем не улыбался, что было на него не похоже. Когда на борт поставили рундук капитана Авила, перевязанный линиями, капитан приказал отнести его в свою каюту и попросил сквайра самого доставить деньги в Испанию родным капитана Авила. Мистер Трелони согласился. Потом капитан взял у Платона из поклажи полотняный узелок и протянул его, не глядя, доктору Леггу.

– Передайте от меня Дэниз, – сказал капитан и пошёл вдоль борта.

Доктор взял узелок и спросил:

– Что это?

– Серебряный образок, мантилья... Какой-то там гребень, – голос капитана был невнятен.

– Мантилья? Откуда? – спросил удивлённый доктор и обернулся на Трелони, который тоже ничего не понимал и делал круглые глаза, двигаясь следом за доктором.

– Из лавки в Гаване, – замедляя шаг, ответил капитан, чувствовалось, что ему сейчас не хочется разговаривать.

– В Гаване? – доктор был поражён, он остановился и спросил от неожиданности первое, что пришло ему в голову: – Вы были в Гаване? Ну, и как вам город?

– Я его не видел, – коротко бросил капитан через плечо и скрылся за дверью своей каюты.

Утром капитан приказал штурману Пендайсу составить новый маршрут – сразу до Южной Каролины, в английский порт Чарльстон, минуя полуостров Флорида, который в XVIII веке принадлежал Испании.

И опять у экипажа «Архистар» потекла череда буден, наполненных тяжёлой, изнуряющей работой. Шхуна вышла из Флоридского пролива и понеслась через Атлантический океан мимо Флориды. Дни были похожи один на другой и отличались только направлением и силой ветра, либо его полным отсутствием.

Потом пожаловали две акулы. Стоило коку Пиррету выплеснуть из ведра помой за борт, как акулы уж были тут как тут, возле «Архистар».

– Жрут, проклятые! – плюнул кок с досады в очередной раз и пошёл на кварталдек к капитану жаловаться на акул. – И ведь никак не отстанут, чтоб им пусто было!

Капитан, сощурившись, посмотрел на акулы плавники, прикинул скорость шхуны, понимая, что она для ловли на крючок великовата, и покачал головой. Кок снова чертыхнулся и пошёл к себе, раздосадованный до невозможности.

На следующий день повторялось всё в точности. Матросы смотрели на кока, на капитана, на акул и вздыхали. Но утром третьего дня, когда ход «Архистар» был самый малый, капитан приказал принести большой акулий крюк на недлинной цепи и кусок солонины из камбуза. На палубу, как по команде, высыпали матросы, вылезли даже те, кто отдыхал от вахты. Капитан стоял на кварталдеке в ожидании.

– Будем ловить акулу, капитан? – спросил у него заинтересованный сквайр и оглянулся на доктора Легга.

Тот стоял за его спиной и снисходительно ухмылялся. Капитан улыбнулся и молча кивнул, потом сказал подошедшему к ним штурману:

– Пендайс, несите мушкеты. Вы же любите пострелять.

– Да, сэр, сейчас принесу два, – сказал штурман обрадованно и скрылся.

Через некоторое время он появился на палубе и протянул мистеру Трелони один из мушкетов со словами:

– Не желаете ли поохотиться, сэр?

– С большим удовольствием, мистер Пендайс. Что надо делать? – живо откликнулся сквайр, принимая мушкет.

– Стрелять по моей команде, – рявкнул штурман и приказал матросам кинуть с правого борта литье с крюком и приманкой.

Возбуждённые матросы быстро исполнили приказание. Ими руководил не менее взволнованный боцман Джонс – он беспрестанно поглядывал в море, сосредоточенно хмурился и вытягивал губы в беззвучном свисте. Штурман, сквайр и доктор Легг встали рядом. Капитан прошёл вдоль борта и встал так, чтобы никому не мешать, сзади него остановился Платон.

Едва наживка упала в воду, как оба серых плавника взяли курс прямо на неё. С палубы хорошо было видно: когда одна акула, обогнав соперницу, приблизилась к крюку, обе её рыболоцман сделали вокруг приманки петлю и вернулись на своё место к хозяйке.

– Сейчас они говорят нашей акуле, какое аппетитное мясо находится у неё перед носом, – сказал доктор.

– Доктор Легг, вы мешаете, – неодобрительно проворчал штурман Пендайс, он не спускал глаз с происходящего в море, сжимая в руках мушкет.

Все увидели, как акула медленно поплыла к наживке, но тут её решительно и дерзко обогнала вторая. Бросок – и прочный канат натянулся, как струна, а вода возле шхуны вскипела от ударов хвоста чудовищной рыбы, вцепившейся в крюк.

– Тяни – крепи! Тяни – крепи! Держись, ребята! – заорал боцман Джонс матросам что есть мочи.

Всякий раз, когда акула двигалась к шхуне, и канат получал слабинку, четверо матросов быстро его выбирали. Они упирались ногами, их мотало, дёргало – четвёрка здоровых парней не могла справиться с одной морской рыбой. И всё же им удалось вытянуть из воды её голову.

Штурман Пендайс замер, прицеливаясь, и выстрелил. Море окрасилось кровью, по светлой воде пошла багровая полоса, и Трелони показалось, что подстреленная акула вдруг глянула на него безумным и невозможно злым взглядом. Она снова заметалась, но только слабее, а потом замерла, её спинной плавник упал на бок. И тут к ней бросилась другая акула. Все увидели её страшную пасть, когда она вонзала зубы в тело той, что угодила на крюк.

– Кровь почуяла, зараза! – заорал штурман. – Сэр, стреляйте!

Мистер Трелони выстрелил. Его выстрел оказался точным – вторая акула дёрнулась и завалилась на бок. На шхуне все завопили от восторга.

– Отличный выстрел, сэр! – закричал сквайру штурман Пендайс, его глаза сияли. – Отличный выстрел!

Он потрясал мушкетом. Капитан и Платон улыбались, переглядываясь. Ликующий доктор хлопал по плечу зардевшегося от удовольствия мистера Трелони и поздравлял его от души. Матросы кричали «ура».

Скоро пойманную акулу подняли на палубу – даже мёртвая она внушала ужас. Серое чудовище длиной больше пятнадцати футов всё ещё вздрагивало всем телом в конвульсиях, с неё стекала кровь и вода. На палубе акуле отрубили хвостовой плавник плотницким топором, а потом вырубили из пасти крюк с приманкой.

Над акулой склонился кок Пиррет и сказал зловеще:

– Попалась, разбойница, на отбивные...

Матросы торжествовали, предвкушая добрый ужин. Они, а с ними и Платон, занялись разделкой акулы. Доктор Легг и Трелони стояли поодаль и посматривали в их сторону время от времени.

– Не хотите ли рассмотреть поближе, что у акулы в брюхе? – спросил доктор у мистера Трелони. – Занятное, скажу я вам, зрелище. И чего там только не попадается.

– Фу... Ну что там может быть занятного? – ответил сквайр, брезгливо передёрнув плечами.

– Да говорят, иногда даже бутылки находят с записками потерпевших кораблекрушение капитанов, – сказал доктор.

– Да глупости всё это, доктор, – отмахнулся сквайр. – Какие бутылки с записками? И вы в это верите?

Но бутылки в желудке акулы всё-таки были, вот только бутылки пустые, а ещё там нашли пару собак, кошку, коровье копыто, оленьи рога, разные вонючие тряпки, покорёженные ботинки, мешок угля, жестянки из-под сигар, картофель, кожаный кошель и многие другие уже почти переваренные вещи. И оба джентльмена, насмотревшись на все эти прелести, поспешили уйти к себе.

Потом была стоянка в английском порту Чарльстон, куда так стремилась попасть Дэниз.

Мистер Трелони и доктор Легг взялись проводить Дэниз: они уже навели справки и знали, где живёт её сестра. Когда девушка покидала корабль, капитан низко поклонился ей, сняв шляпу, и пожелал от всей души всего самого доброго.

Дэниз простилась с капитаном – слёзы текли по её лицу, она их не вытирала, а лицо у неё было такое, что от его вида протрезвел бы даже самый распьяный моряк.

Глава 4. Норма Джин из Йорка

Капитан стоял перед стойкой бара и пил ром, который неизвестно откуда появлялся перед ним во всевозможных стаканах, кубках, рюмках, чарах, братинах и бокалах и который почему-то был всё время разный.

Он пил крепкий колумбийский ром, обжигающий и заставляющий сдерживать дыхание, он пил лёгкий мексиканский, выдержанный в дубовых бочках только восемь месяцев, он пил венесуэльский ром, хранящийся в подвалах, сухих и тёмных, по два года, он пил семилетний кубинский «золотой» и кубинский «тёмный» со вкусом специй и карамели.

Он пил ром и чувствовал, как теряет голову, но не мог, да и не хотел остановиться. Он мешал аргентинский белый ром с золотым, запивал барбадосским темным ромом и светлым пуэрториканским с мягким, но насыщенным вкусом. Потом шёл ром с Ямайки, янтарный, густой, со вкусом солнечной патоки и кофе, а за ним – ром с Мартиники, который так долго сохраняет свой исходный тростниковый вкус. Вершиной удовольствия была кашаса, производимая на бразильских фазендах по древним рецептам – она имела цвет чая с лимоном, и ей совсем не уступал ром панамский, настоящий на анисе и разбавленный тростниковым соком.

Он пил ром, и вкус этого рома нёс его, лёгкого и сильного, поднимая над землёю всё выше и выше. Он быстро плыл, он парил по воздуху и ощущал, как это волшебное состояние опьянения отделяет его от всех остальных людей, присутствие которых он чувствовал и которых ему почему-то было жалко. В голове стоял гул бешено мчащейся крови, в висках оглушительно стучало, в глазах бушевал огонь, он забыл кто он, где он и откуда он...

А потом он стал камнем падать вниз, понял, что умирает, и проснулся...

Шхуна шла вдоль американского побережья на север, туда, где предположительно находились координаты 4 – «Море у побережья Нью-Йорка».

Утро было обычное, а вот днём ветер посвежел.

– Хорошо идём, сэр, – сказал капитану штурман Пендайс, поднявшийся на мостик. – Такое чувство, что нас гонит буря.

Капитан присмотрелся к штурману и спросил:

– Вы мне хотите что-то сказать, мистер Пендайс?

– Да я, сэр... Я хочу сказать, сэр, что нам действительно нужна новая грот-мачта. Нам нужен ремонт в Бостоне, – ответил Пендайс и замолчал, на капитана он не смотрел, старательно отводя глаза в сторону. Чувствовалось, что ему как-то неловко от этого разговора.

– Мы встанем на ремонт в Нью-Йорке, Пендайс... Не волнуйтесь, – ответил ему капитан.

– Но, сэр! В Нью-Йорке нет такой верфи, – поспешно проговорил штурман, он приложил ручищи к груди, и лицо его при этом приняло просительное выражение.

Капитан посмотрел на штурмана Пендайса с лёгким удивлением, но через пару секунд произнёс:

– А, кажется, понимаю, Пендайс. Припоминается мне, что у вас в Бостоне кто-то живёт, кажется, какая-то родственница.

– О, совсем дальняя, сэр, – штурман выглядел донельзя сконфуженным, его руки затеребили полы жюстокора.

Капитан широко улыбнулся.

– Ну, что же, тогда идём в бостонскую верфь, а я потом в компании мистера Трелони и доктора вернусь в Нью-Йорк на каком-нибудь небольшом боте, – сказал он и добавил. – Надеюсь, что к моему возвращению «Архистар» будет готова.

Штурман Пендайс опять прижал обе руки к груди, уже улыбаясь.

– О, сэр, безусловно, совершенно готова, – заверил он капитана.

Когда капитан поделился новыми планами с мистером Трелони, тот моментально согласился с тем, что исследовать берег в окрестностях Нью-Йорка лучше, конечно же, на маленьком корабле. Всё складывалось, как нельзя лучше: пока на «Архистар» будут менять мачту, они спокойно займутся поисками сокровищ Диего де Альмагро.

Скоро «Архистар» вошла в Бостонскую бухту – крупную бухту в западной части залива Массачусетс, на берегах которой расположен порт города Бостон.

Археологические раскопки на территории современного Бостона, дорогой читатель, обнаружили свидетельства того, что древние люди проживали на этих землях уже семь тысяч лет назад.

А вот европейские поселенцы появились здесь в начале XVII века и основали Плимутскую колонию. Это были английские пуританские колонисты, ищущие религиозную свободу и недовольные тем, что господствующая в Англии Англиканская церковь склоняется к идеям католицизма. Пуритане искали земли с целью создания идеального общества, свободного от пороков Старого Света. 17 сентября 1630 года возле удобной бухты в устье реки Чарльз, ставшей позднее гаванью Бостонского порта, ими был основан город Бостон, названный так в честь небольшого английского городка. Так возникла Новая Англия – оплот торговли, предпринимательства и культуры в этих суровых краях.

Уже через несколько лет в поселении была основана первая в Америке англоязычная школа, а в местечке Кембридж, жители которого гордились своим типографским прессом, в 1636 году открылся первый колледж – Гарвард.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.